Альт-летчик

Автор:
Комбат Найтов

Альт-летчик

Комбат Найтов

Военная боевая фантастика

Последнее время очень активизировались «царебожцы», устраивают шествия, молебны, даже свадьбы, с привлечением войск почетного караула. Вот и решил я немного познакомить читателей с тем, как бы жилось «попаданцу» в царской России.

1911 год. Тогда в России было образовано первое «училище летчиков»: Гатчинская высшая офицерская школа воздухоплавания, выпустившая из своих «недр» большинство выдающихся летчиков авиации императорской России и ВВС РККА. Оттуда есть пошла русская авиация, как морская, так и сухопутная.

Книга охватывает предвоенные, военные и первый год Советской власти. Показывает, почему произошла революция в России, и неизбежность крушения «дома Романовых».

Комбат Найтов

Альт-летчик

© Комбат Найтов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Не спалось: духота летней ночи, жаркий пот, постоянный шум из окна от близкой автострады, встал, пошевелил «мышку» компьютера, 02.35. В этот момент резкое усиление ветра, шум листвы соседнего дуба заглушил все звуки, затем хлестанул ливень – и началась гроза. Окно, из-за жары, было открыто, в момент процесса закрытия в стоящий рядом монитор компьютера попадает молния. И темнота… Исчезли все звуки. Но соображать продолжаю, значит, не все потеряно.

…Неожиданно, спустя довольно много времени, услышал звук дождя, но глуховатый, значит, окошко я все-таки закрыл. Начинаю потихоньку приходить в себя, шандарахнуло меня здорово. Но темнота вокруг полнейшая, мне очень жарко, а вот руками не пошевелить, открыть глаза тоже не получается. Горло буквально сковало липкой слюной. Пробую пошевелить пальцами рук и ног, и мне это удается. Поднес правую руку к голове, а у меня жар! Только же, черт возьми, было все в порядке?! С помощью пальцев открыл глаза, неприятно слипшиеся. Лучше бы я этого не делал! Еще бы некоторое время радовался тому, что жив. На стене висела керосиновая (!!!) лампа, тускло освещавшая помещение, и не простое! Это – морг. Ни фига себе! На большом пальце правой ноги висит кусок клеенки с надписью: «Инж-кап. Гирс С. Д., холера, 25.06.11». Значит, и остальные, собранные здесь товарищи по несчастью болели этой гадостью. Лихо! Что тут скажешь? Но почему «керосинка»? Вот этого я еще не понял. Дергаю дверь, а она заперта. Стучу. Отбил все костяшки, развернулся задом и начал молотить пяткой, с интересом наблюдая усопших. Одна характерная деталь: на всех подштанники! Это точно не XXI век! И крестики на шее у всех, в том числе и у самого. С той стороны двери послышался шум, звяканье ключей, дверь распахнулась. «Свят, свят, свят!» – осенил себя со страшной скоростью мужичок-старичок в старинном зипуне. Рядом с ним то же самое проделывал очкарик в белом халате.

– Тьфу на вас! Спите, черти! Чего уставились? Живой я, живехонек! Не удосужились проверить, прежде чем сюда тащить! Душ, быстро! И одежду! Замерз! – Меня уже поколачивало озноба, но помирать я вроде как не собирался. Ага! Душевая с титаном! Давненько такой не видывал! Капитально вымывшись и согревшись, обнаружил зеркало и с удивлением посмотрел на отражение. Худощавый молодой человек, лет двадцати пяти, кто такой – не знаю. Его

подсознание вроде бы спит, пробую достучаться, но пока ничегошеньки не понимаю, он «отвечает» мне на другом языке. Похоже, немецком, но не совсем. Зовут меня Степаном, Стефаном.

– Разрешите, господин капитан? – это тот самый очкарик, принес белье и больничный халат.

– Как я там оказался? – я кивнул в сторону морга.

– В покойницкой-то?! Привезли умерших с парохода из Баку. Всех отпели, не беспокойтесь, вас отпевали по лютеранскому обряду.

– Это особого значения уже не имеет. Давно?

– Ну, больше суток прошло.

– Лимоны или лимонная кислота есть?

– Лимонов нет, господин капитан, еще не сезон, а кислота имеется.

– Пить хочу, принеси холодной воды и лимонную кислоту.

– Слушаюсь! А может быть, пройдете в палату? Я вам отдельную приготовил. Надо же такому случиться! Яков Георгиевич с минуту на минуту будет, доктор наш.

– Документы мои у него?

– Точно так, ему все передали, а вещи ваши в кладовой.

Мы подошли к дверям, идя по почти неосвещенному коридору. Их открыли и помогли мне сесть на койку, потому что меня хорошенько мотнуло. Малейшие усилия были еще очень тяжелы для организма. Кислая вода не слишком приятна на вкус, но при условии, что я лежал в одной комнате с холерными больными и, вероятно, сам болел, требуется повышения кислотности. Вбито в подкорку из-за пары карантинов по этой болезни. Появившегося доктора больше интересовали мои намерения подать жалобу, чем все остальное. Документы мне вернули

тотчас.

Итак, Карская крепостная воздухоплавательная рота направляет инженер-капитана Гирса в офицерскую воздухоплавательную школу в качестве слушателя. Что-то я не припоминаю у себя склонности к полетам на воздушных шарах. Доктор уговорил меня недельку полежать под его наблюдением, бесплатно, лишь бы шум не поднимал и не переходил в военный госпиталь Царицына, а оставался здесь в больнице путей сообщения. Мне требовалось подтянуть свой немецкий или научить капитана отвечать по-русски, ему требовалось оклематься после очень серьезной болезни и, видимо, клинической смерти. Поэтому мы приняли предложение Якова Георгиевича. В чемоданах я обнаружил не уворованные деньги в количестве двух с лишним тысяч. Довольно большая сумма, примерно два годовых оклада. Там же нашлись книги на немецком и шведском, которые я увлеченно начал читать, хотя тот бред, который был в них написан, был мне совершенно неинтересен. Но требовалось составить совместный словарь, чтобы пользоваться тем, что знает капитан. Без этого – никак, так как по документам он заканчивал морской кадетский корпус, Кронштадтское высшее инженерное морское училище и стажировался в Германии в Грисхайме, где преподавал знаменитый Лилиенталь. А в Тифлисе был на приеме у великого князя Александра Михайловича. Едет он в Гатчину, не только для того, чтобы что-то слушать, но и организовать инженерную службу в новой школе, я уже вспомнил, что именно там готовили летчиков и авиатехников для ВВС империи.

Глава 1. Гатчинская офицерская школа воздухоплавания

Через три недели усиленной подготовки, как в больнице, так и на колесном пароходике, следующем до Петербурга, я предстал пред светлые очи генерал-майора Кованько, после визита к которому меня срочно направили обратно в Петербург на аудиенцию с еще одним великим князем, Петром Николаевичем, августейшим шефом Военно-инженерного управления русской армии. Великие князья несколько разошлись во мнениях и взглядах на будущее воздухоплавания. Прямое командование не верило в саму идею аппаратов тяжелее воздуха, но тем не менее, в марте прошлого 1910 года при Особом комитете по восстановлению флота (был такой) создан отдел воздушного флота. И «имелось мнение», что инженерную часть этого отдела должен возглавить именно я. В первую очередь, это правда было опущено в моих документах, перед

моей фамилией в латинском написании существовала буковка «v», фон Гирс, а флотом в России правили немцы. И расчет, тоже немца, Александра Михайловича заключался в том, что мое назначение не вызовет отторжения у шефа ВИУ. Основная задача была поставлена еще в Тифлисе: создать хорошо работающую инженерную службу в авиационных частях, появление которых уже не за горами. На первоначальном этапе я где-то допустил какую-то ошибку или промах, поэтому пришлось пожаловаться великому князю на состояние здоровья, перенесенную болезнь и психологическую травму в больнице Царицына. 45-летний князь удивленно посмотрел на меня, я же предоставил справку из больницы и выписку из личного дела, где указывалось, что последний раз в отпуске я был более двух лет назад.

– Хорошо, давайте вернемся к этому разговору после того, как вы приведете себя в полный порядок. Пишите рапорт на отпуск и отгулы. Первого сентября встречаемся здесь в этом кабинете. И не забывайте, что наиболее важной нашей задачей является создание надежной инженерной службы во всех ротах и батальонах воздухоплавательного корпуса!

С учетом того, что воздушные шары использовали водород, а парашютов еще не было, то было слишком оптимистично надеяться на корректировку огня артиллерии с помощью привязных аппаратов. Но переубедить кого-либо из этой «гвардии» было невозможно. Денег на это дело выделили сущие копейки, Александр Михайлович имел большое влияние на царя, но все это дело тупо люстрировалось в Сенате, Думе и в комитетах. Чисто теоретически эти деньги можно было заработать, недаром первые русские авиаторы занимались показательными выступлениями. Так они оплачивали обучение за границей и искали «спонсоров» на приобретение следующей машины. Большинство летчиков были просто «летунами». Лишь небольшая часть из них пытались построить самолеты самостоятельно. Кое-какие деньжата у меня водились, хотя не я их собирал, поэтому освободившееся от службы время я потратил на то, чтобы сделать «дельтаплан». Но и в этом случае меня ждало жесточайшее разочарование! Во-первых, в России алюминий и его сплавы не выпускаются. И тем более нет тонкостенных труб из него. Немного помыкавшись туда-сюда, можно было заказать трубы в Америке, в Германии или во Франции, но с передачей им патентов на эти сплавы, просто алюминий мне не годился. Пришлось кланяться китайцам и выбирать у них бамбуковые палки. Проверяя их на прочность при изгибе. У них же купил очень плотный шелк: 70 момми или 300 граммов на квадратный метр. Соединительные трубы изготовил в мастерских школы, организованных еще до меня штабс-капитаном Горшковым. Дельтаплан делал мачтовым и с целым набором антифлаттерных грузиков, так, чтобы можно

было показать его маневренность во всей красе. Удивительно, но уложился в 21 килограмм взлетного веса. Так как официально я находился в отпуске, то мне не представляло сложности узнать, когда на аэродроме появятся «нужные» мне люди. Александра Михайловича я посвятил в события в письменном виде. И он приехал в Петербург и помог организовать сборище на поле. К авиаотряду, который уже существовал, я и близко не подходил, хотя и познакомился в клубе практически со всеми. В первую очередь, с подполковником Ульяниным, командиром «временного авиационного отдела», который учился у Фармана, и его с большим трудом удалось провести на это место. Сами понимаете, что все учившиеся во Франции, кроме уже погибших, составили костяк преподавателей и инструкторов в школе.

Между Гатчиной и Питером есть такая станция: Дудергоф. Рядом с ней находится самая высокая горушка в Ленинградской области. Мое любимое место отдыха многие годы, пока там канатки работали и можно было кататься на горных лыжах. Крутой склон Вороньей горы и послужил мне аэродромом. Я собрал планер на вершине, тщательно проверил все узлы и точки крепления, надел «штатный» кожаный шлем, сам тоже весь в черной коже. Легкий западный ветерок помог мне быстро оторваться от земли и «подвесить ноги» в петли. Сразу за железной дорогой – озеро. Над ним я и покрутился, привыкая к аппарату и пробуя его во всех режимах. Самостоятельно я из этих материалов такой планер не делал. Больше всего имел дело со «Славутичами» разных марок, а потом полностью на параплан пересел. Убедившись, что расчеты верны и машинка довольно лихо крутится, и флаттер успешно гасится, я ушел в сторону от озера, туда, где желтели поля, там поймал поток и быстро забрался на высоту около двух километров. Это – не высоко, но рекорд Матыевич-Мацеевича составлял 1200 метров. Лететь недалеко, всего 12–14 километров, на самом деле ровно тринадцать, а с этой точки еще ближе. Не слишком увлекаясь скоростью, дополз за двадцать минут до аэродрома. А там – строевой смотр! Оркестр даже здесь слышно, а на меня – ноль внимания! Вот гады! И что делать? Запасной вариант у меня имелся: фальшфейер с дымом красного цвета! Примененный мной для начертания буквы «N» в воздухе. После этого меня «увидели»! Первой увидела «бабочку» высоко в небе скучающая старшая дочь Ольга. Она завизжала от восторга – и сорвала важнейшее армейское мероприятие! После того, как фальшфейер отработал, я несколькими виражами, стараясь сильно не разгоняться (бамбук все-таки!), проделал несколько фигур высшего пилотажа, затем снизился до земли, прошел над полем на малой высоте и сумел подхватить заготовленный заранее букет цветов, резко развернулся на трибуну, где стояла царская семья, и рассыпал его над ними, еще один разворот, и я чуть пробежал при посадке. Отстегнулся от системы и

четким строевым шагом направился прямо к Николаю. Ему тоже розы и астры достались, несмотря на то что стоял он не на трибуне, а под ней.

– Ваше величество! Инженер-капитан Степан Гирс закончил перелет Дудергоф – Гатчинская Офицерская Воздухоплавательная школа на планере собственной конструкции.

Николай чуть закусил нижнюю губу, затем опустил руку от козырька и протянул ее мне. Молча. После рукопожатия вытащил из кармана носовой платок и вытер пот с лица. Видать, напугал я его до колик.

– Цветы императорской семье и мой вензель в небе! Хорошо придумано, но предупреждать требуется заранее. Чего угодно ожидал, кроме цветов. Молодец, подполковник Гирс.

– Рад стараться, ваше величество! Назначен начальником инженерного управления по воздухоплаванию при Особом комитете по воссозданию флота. В данный момент в отпуске, к службе приступаю с первого сентября.

Так как представление состоялось и руки мы опустили, то все, кто входил в свиту, потихоньку подтянулись сюда, в первую очередь женщины. Все вместе прошли к планеру, еще до этого «мой» великий князь что-то шепнул царю.

– Это в корне меняет дело! Организуйте погоны и «старушку Клико» позовите. Показывайте, подполковник, ваш чудесный аппарат.

– За основу взят аппарат Лилиенталя, у которого я учился летать на планере. Но им очень сложно управлять, так как требуются значительные усилия, чтобы перемещать свой вес в ту сторону, куда нужно. Здесь мое тело подвешено в центре массы, а вот этот рычаг изменяет положение несущего крыла относительно моей массы. Для ускорения выполнения маневров можно использовать и ноги, их перемещения, так же, как у Лилиенталя, но в более удобном положении, и не требуется столько усилий от брюшного пресса. Планер может развивать скорость до 130–150 верст в час. А минимальная скорость около 25 верст. Взлетать удобнее всего с горы, я взлетал с Вороньей. С ровной поверхности тоже можно, но используя автомобиль или скоростную лебедку и стартовую тележку. При хорошем ветре можно взлетать с крыши. Если вот сюда сделать сиденье, то можно поставить двигатель с винтом и использовать его как

легкий аэроплан.

– Вот оно! Оно все-таки прозвучало! – раздался голос моего оппонента, второго «великого». От слова «аэроплан» его просто коробило! И я его понимаю! Трубку телефона к планеру не прицепишь, а ВИУ родилось от артиллерии!

– Великий князь, вы же утвердили использование составных воздушных змеев для наблюдателей-корректировщиков. А это, в варианте с двигателем, еще и спасательное средство для корректировщика.

– Но требуется кто-то, кто запустит винт!

– Для этого необходимо на двигатель установить стартер, электродвигатель, который раскрутит основной мотор. Или на винт поставить спиральную пружину и стопор. Плюс оно легко может сесть на корабль.

Но тут принесли новые погоны, с тремя звездочками, двумя полосами и новой эмблемой воздушных сил: у нее орел шире распахнул крылья, убрал лапы и на их месте имел пропеллер. (В чуть измененном виде эти эмблемы использовали и ВВС СССР, и ВВС РФ.) Я перешел в авиацию, так как носить эту эмблему могли только те, кто имел звание пилота, не все подряд, из тех, кто хвосты им заносит. И появилось очень большое количество бутылок французского шампанского. В числе приглашенных оказались и девять человек из нового отдела, у которых такие же эмблемы были на погонах. Я стал десятым, несмотря на сопротивление Петра Николаевича. Не на пирушке, а в отряде.

Но главного практически никто и не заметил: моя первооткрывательница, великая княжна Ольга, тихонько и украдкой задала вопрос:

– А девушки смогут управлять вашим планером?

– Ну, по секрету вам скажу: сегодня-завтра, максимум послезавтра, будет готов аппарат, с крылом в два раза больше, чем вот этот. Там можно будет летать вдвоем.

– Как мне вас найти?

Я передал ей свою визитную карточку, с указанием телеграфного адреса. Заказы на аппарат мгновенно превысили возможности пошивочного цеха, который я организовал. Плюс «кетайцы» забеспокоились возросшими поставками шелка, а гнусный Соломоныч, который поставлял пропитку для ткани, вздернул цену на нее в два с лишним раза. Тем не менее, несмотря на категорический запрет императора, производство дельтапланов приняло плановый и весьма доходный характер. Первоначальные траты: 270 рублей, большая часть из которых ушла на ткань, мгновенно окупились. Хуже того, появились конкуренты: конструкция довольно проста, вот только проблема была в шелке и пропитке, а также в правильной растяжке. Не летали аппараты у конкурентов, поэтому пришлось срочно изготавливать спасательные парашюты, а это опять шелк! Благо, что большая часть Китая была сдана правительством в аренду на сто лет России, но вести дела с ними могли не слишком многие.

Основным толчком для этого послужил наш совместный полет на «УТ-эшке» с княжной Ольгой. Мне, конечно, потом выговорили за него с три короба, но он прошел чистенько: немного покрутились в районе Вороньей горы, потрогали воду озера, выполнили одну «бочку», этого оказалось достаточно, чтобы количество заказов превысило наши возможности по производству. Плюс она смогла подключить тех людей, которые организовали поставку первичного алюминия из-за границы. В городе работало три ТЭС, теплоэлектростанции. В отличие от Царицына, электрическое освещение в городе работало. Свою электростанцию, плавучую, имел Зимний дворец. Но электропечи для получения алюминия в то время требовали низковольтный постоянный ток. Тем не менее инженер Графтио появился в Гатчине. Он разрабатывал проект Волховской ГЭС на Петропавловских порогах, кто не в курсе, это тот самый Волховстрой с Волховским алюминиевым заводом в придачу. Первоначальный план предусматривал увеличения снабжения трамвайных электросетей Петербурга. Проект был заморожен в 1912 году, с государственными убытками в полтора миллиона рублей. Остановили это дело владельцы трех теплоэлектростанций. Так как Николай Второй и его близкий друг Александр Михайлович были заранее настроены: «Волховской электростанции быть!», то у немцев, голландцев и бельгийцев не получилось остановить строительство. Проект расширили, а о наличии бокситов в Ленобласти уже было известно, как и о наличии запасов криолита в районе Миуса. Здесь требуется обратить внимание всех царед…ров и мироточцев на то обстоятельство, что российское общество содержало совершенно незначительный процент тех людей, которые были готовы поддержать абсолютную монархию. Совершенно неслучайно возникла Дума, было предпринято несколько корявых поползновений ввести ограничение власти

для императора. Империя сгнила до того, как Николай Второй «воцарился». Его свергли «свои». Победоносных войн не произошло, а самодержец абсолютно оторвался от реальности. Пригрел на груди Григория, чему немало способствовали две «черногорские вороны»: жена и сестра супруги того самого Петра Николаевича. Моего «врага» № 1. Что-либо поменять в этом раскладе было практически невозможно. Да и была ли в этом необходимость?

Так или иначе, мое назначение состоялось, хотя из отпуска я так и не вышел, так как, как черти из бутылочки, возле меня появились братья Лебедевы, с которыми меня познакомил командир отряда Ульянин. Сергей Алексеевич внешне очень напоминал мне Корнилова, который тогда еще не был известен в широких кругах общественности. Товарищ был увлекающийся по натуре, единственно, образование его подкачало: выпускался он из пехотного училища, хотя считать и придумывать он любил. Он, кстати, придумал те самые змейные поезда, позволявшие поднимать на высоту до четырех человек наблюдателей-корректировщиков, всерьез занимался теорией больших чисел и даже придумал «Прибор для воображаемой стрельбы при пособии тиражных чисел». Человек он был деятельный. К тому же мой складной планер сильно перекликался с его идеей «складного самолета», который и пытались создать в течение полутора лет Лебедевы, Ломач и Ульянин. Правда, «их» самолет был просто копией «Фармана». Но в тот самый день, когда мне присвоили подполковника, наш «малый шеф» пригласил всех десятерых летчиков, включая младшего Лебедева, он был третьим номером в списке пилотов России и вольноопределяющимся инструктором ОВШ, в ресторацию в Царском Селе. Там же «оказались» и Ломач, со старшим Лебедевым. Пётр Александрович представил меня всем лично.

– Я обратил внимание на инженера Гирса еще в Баку, где он внес существенные изменения в оборудование корпусного парка, дабы исключить возможности самовозгорания получаемого водорода. Предоставил ему возможность проявить себя на самостоятельной должности в удаленном гарнизоне Карса, где его рота проявила немалую смекалку и нестандартные решения по обороне крепости. Высказанные им идеи хорошо перекликались с моим видением проблем становления авиации на нашем флоте. Ну, а сегодня он удивил всех, в том числе и меня, продемонстрировав фактически преимущества, даже безмоторного, аппарата тяжелее воздуха, перед этими «летающими ангарами». Как он летает, вы сегодня все видели. Согласитесь, пока вы не в состоянии повторить его маневры в воздухе. Его полет напоминал полет стрижа, когда он влетает в большую стаю мошки. Красота и неожиданность маневров парализовала всех. И, несомненно, произвели глубокое впечатление на нашего царствующего брата и его семью. Он распорядился выделить вам, подполковник, денежную премию за

создание чудесного образца аппарата тяжелее воздуха. Кроме того, им предложено обсудить с вами возможность постройки его моторной версии. Там требуется предоставить смету. И, главное, аппарат должен быть вооружен. То есть быть двух-трехместным. Такие легкие и верткие аэропланы весьма пригодятся нам в небе над Константинополем.

Россия была «беременна войной»! Неудача на востоке и прошедшая первая революция пагубно отразились на популярности царствующей фамилии. Был необходим реванш, и наши дипломаты, науськанные «великими князьями», активно проталкивали идею забрать у Турции проливы. «Черногорские вороны» каркали в том же направлении, заявляя, что «братушки» морально готовы дать бой басурманам, забывая о том, что Германия старательно помогает Турции в укреплении ее обороны.

– Великий князь, бамбук – это трава, которая у нас практически не растет. Шелк такой плотности мы производить тоже не можем. Наши «союзники» не так давно активно уничтожали наш флот, отбросив его с третьего на шестое место в мире, и могут свободно перекрыть эти поставки. Для того, чтобы дельтаплан «залетал» по-настоящему, требуются сплавы алюминия, которые у нас не производятся из-за отсутствия генерирующих мощностей. И искусственные волокна, чтобы изготовить еще более плотный, и, главное, более дешевый вариант аэроплана. Да и проблема двигателя стоит достаточно остро. Я, правда, читал про такой двигатель, он назывался АДУ-3 и демонстрировался в Москве в прошлом году, существует. Кажется, его сделали в Курске. Там, конечно, требуется доработка, но для такой легкой машины двухвинтовая схема подходит идеально.

– Я слышал о том, что выделены деньги на проектирование электростанции на Волхове… – ответил князь и замолчал, думая над остальными вопросами.

– Если не объявить это приоритетной задачей, то найдется множество желающих этот проект заморозить. Сейчас город снабжают энергией три иностранных предприятия, там практически сто процентов иностранного капитала, кое-какой процент имеет Петр Николаевич. – Услышав это, князь хищно ощерился. Любил он родственничка по самое «не хочу»!

– Но, Степан Дмитриевич, вы же понимаете, что без иностранной помощи мы не в состоянии быстро поднять алюминиевую промышленность, – заметил «шеф».

– А если «побеспокоить» Гуго фон Вогау? Говорят, что у него имеются избытки электрической мощности и есть электропечи. Он все-таки российский подданный.

– Капитал подданства не имеет, – мрачно заметил великий князь, достал блокнот и что-то черкнул там. – Вы мне все больше нравитесь, полковник! В Тифлисе вы мялись и стремились уйти от острых вопросов. За это время вы хорошо проработали проблему. Получив ваше письмо о том, что вы готовите показ нового планера, я даже не знал, как отреагировать на него. Считал, что на постройку уйдет много времени и момент будет упущен. Но вы успели!

– Требовалось соединить между собой четыре палки, великий князь. И пошить несущую поверхность.

– А что вы пообещали княжне Ольге?

– Что покажу ей учебно-тренировочный дельтаплан.

– Это реально?

– Он практически готов. Требуется провести летные испытания. Выполнять сложные фигуры он не сможет, из-за большего размаха крыла, но парить и управляться он будет лучше.

– Первым, кто его увидит, буду я. Учтите это.

– Тогда завтра в десять на Вороньей горе.

– В девять тридцать я за вами заеду. Господа! Оставляю вас одних. Гарсон, счет пришлете мне.

И после этого на меня навалились остальные присутствующие! Во-первых, далеко не всем понравилось приглашение «Вогау и Со» в «нашу теплую компанию. Это был «тяжеловес», весивший более 41 миллиона золотых рублей, входивший в десятку «денежных мешков» России. Во-вторых, он был немцем, впрочем, этого никто не сказал, это – подразумевалось.

– Вогау скупят вас и ваши патенты, господин полковник, – высказался Ломач, который уже был компаньоном и прибрал к рукам как патенты Ульянина, так и разработки братьев Лебедевых. – У меня достаточно финансов, чтобы обеспечить работу вашей мастерской. Насколько я понимаю, она совсем небольшая.

– Насколько я понимаю, господин Ломач, ваш аппетит нисколько не меньше, чем аппетит Гуго фон Вогау. Но у него завод и десять тысяч рабочих на нем, имеющих большой опыт и оборудование для производства листа и профилей. А вот производства цельнотянутых труб из алюминиевых сплавов у него нет. Зато у вас, Алексей Александрович, имеются лабораторные установки для производства бесшовных труб, стальных правда. И наверняка вы знакомы с работой инженера Уфимцева. – Я переключил разговор на старшего Лебедева. Ломач был неинтересен.

– Знаком, и дал отрицательное заключение на этот двигатель. Невозможен запуск двигателя сжатым воздухом. Это – утопия!

– У меня несколько иное мнение по этому вопросу, тем более что это один из самых легких двигателей, к тому же у него отсутствует эффект винта, что немаловажно для легкого аэроплана.

– Но мы же изготавливаем ПТА-1? Со складным оперением.

– А вам на него деньги дали?

– Нет, мы это делаем инициативным порядком, – после переглядываний, за всех ответил Ульянин. – Понимаете, складной самолет удобнее перевозить по железной дороге.

– Да-да, конечно, особенно если он летать не умеет. Кстати, биротативный двигатель минимум в два раза эффективнее и Гнома, и Рона.

– Но у них мощность больше.

– Да не мог господин Уфимцев, без нормального завода и материалов, создать более мощный двигатель. Помочь надо, тем более что Политехнический

институт, в котором преподает Алексей Александрович, имеет значительно более мощное оборудование, чем домашняя мастерская безвестного инженера. Подход должен быть строго инженерным, господа. Вы же слышали!

В общем, при первой же встрече мы расставили все точки над «i»: техническими вопросами в отряде руковожу я, так как поставлен сюда самим государем-императором для серьезной организации процесса становления наших ВВС. Такая постановка вопроса, может быть, и не всех удовлетворила, например, Ломач достаточно быстро слился, так как потерял самое главное: вес и значимость в компании. Но это случится чуточку позже. Пока все были воодушевлены оказанным вниманием и известием о том, что мы получим дополнительное финансирование на создание моторного дельтаплана, с возможностью его базирования на кораблях. Но предстояло решить вопрос с регулировкой оборотов двигателя. Ротативные и биротативные двигатели чрезвычайно тяжело управляются по оборотам и в основном используют один режим работы: полный газ. Возвращались из Царского Села достаточно долго, хотя и весело. Поезда уже не ходили, пришлось брать извозчиков. Ломач и старший Васильев жили в Питере, у Ломача имелся автомобиль с водителем. У богатых свои привычки.

Глава 2. Знакомство с «хозяевами»

Утром, сразу после завтрака, который подавала хозяйка моей квартиры, я снимал у нее две комнаты через квартирьерскую службу отряда, за окном раздался звук клаксона. Князь с собой даже водителя не взял. Мы подъехали с ним к мастерской, арендованной мной в Мариенбурге, погрузили один мешок, что немало удивило князя, и через двадцать минут остановились у станции Дудергоф, свернув с дороги направо. Здесь была дача какого-то генерал-майора, который выскочил из дверей веранды, где потреблял завтрак, и на ходу застегивал мундир.

– Ваше высочество! Да как же я рад вас видеть!

– Я не к вам, Петр Данилыч, извините, что побеспокоил старика.

– Да что вы, выше высочество! Полноте, как вы можете побеспокоить? Это ж мы, старики, иногда не вовремя смотрим в окошко. Прошу, заходите, не откажите в возможности лицезреть вас.

– Сейчас нет времени, господин Беклемишев, дела. – И князь демонстративно взялся за лямку длинного чехла планера.

– А не такой и тяжелый.

– Тяжеловатый, почти на восемь килограммов тяжелее, а облегчить нет возможности.

Пока поднимались в гору, князь дважды просил остановиться и передохнуть.

– Вот карские – они все такие, скачут себе по горам, как козлы. Мы – народ равнинный, нам такие горки в тягость!

Пришлось извиняться, что загрузил, и вешать мешок на плечи. Удивительно, но в кармане князя оказался секундомер, с помощью которого он засек время изготовки планера к полету. Через 12 минут я пристегнулся к системе.

– А я?

– Я сделаю один круг и вернусь сюда же, это его первый вылет, сразу давать полную нагрузку не будем.

– Хорошо, а я посмотрю на ваш взлет и схожу вниз, забыл кое-что в машине.

Я разбежался и через шесть шагов почувствовал, что поймал поток, и изменил положение тела, поймал петли для ног и опробовал виражи, снижение и набор высоты. Внимательно осмотрел все видимые расчалки. Подлетел обратно, и пришлось делать еще один круг, так как князь только преодолел половину пути к вершине. Дав ему время не спеша подняться, я встал на глиссаду и практически остановился перед приземлением. Даже пробежка не понадобилась. Еще раз проверил натяжение основного троса. Все в порядке. Александр Михайлович сам принес свою подвеску. Я завернул карабин, подставил козлы, и великий князь попробовал лечь и поймать ногами петли.

– Управлюсь! – сказал он. – Как взять с собой карабин?

– Его в первом полете с собой лучше не брать.

– А если маузер?

Пришлось лезть в карман и доставать две широкие резинки, которыми мы притянули кобуру к ноге.

– Учить бегать строем офицеров уже не нужно, а так, с незнакомыми, требуется отработать равномерный бег. Теперь ловим ветер.

Дождавшись уверенного порыва, дал команду «Бегом марш!» и чуть не ошибся сам! Здесь бегают и шагают с другой ноги, но я вовремя об этом вспомнил. К счастью, встречный ветерок чуть усилился и буквально вырвал из-под нас землю. Я мотнул головой, давая команду лечь князю, сохраняя угол и направление взлета, затем чуть опустил нос на пикирование и лег сам. Набрал скорость и приступил к набору высоты. Князь громко, практически прокричал:

– Лечу! Ух! В жизни бы не поверил, что лечу!

Над озером я ему показал: как производятся виражи, набор высоты и пологое пикирование. Затем передал управление полностью ему, даже не касаясь перекладины. Князь, казалось бы, забыл обо всем. Он виражил, скользил вправо-влево, приближался к земле и набирал высоту. Через двадцать минут предложил мне взять управление и пройтись над озером. А сам вытащил кобуру, пистолет из нее, присоединил ее к рукояти, попытался расстрелять спасательный круг, который почему-то оказался на середине озера. Несколько раз промахнулся, затем уверенно попал в воду внутри круга.

– Отлично! Можно возвращаться. Хочу попробовать посадку.

– Это еще рано, вашсочество. Нос разбить при посадке довольно просто. Здесь навык нужен, как и при стрельбе с воздуха. И воздух чувствовать. Новичкам всегда кажется, что они готовы, но это совершенно не так.

Выполнили заход, с объяснениями, пардон, но пришлось делать второй заход, так как князь не смог освободить одну из ног. Требуется изменять подвеску, чтобы стравливалась, поначалу у всех не все получается. Я ему сказал об этом, и со второго раза мы сели, практически в том месте, откуда стартовали.

– А Николя – жадина! Я ему так и скажу! Прекрасная машина, я никогда таких ощущений не испытывал. Однако время! Нас ждут великие дела!

Князь достал из внутреннего кармана плоскую металлическую флягу, сделал несколько глотков и протянул ее мне. Пока я делал пару глотков французского коньяка, похоже, что это был «Луи Тринадцатый», князь схватил мешок со сложенным планером и зашагал вниз по тропе. Мою попытку помочь ему он отверг.

– Требуется привыкать носить его самому. Я механика с собой не взял, потому как «стучит» он в Третье отделение, и ничего не попишешь, так ему приказали. Я ж почему с собой пистолет взял, чтоб доказать, что не было у тебя и мысли содеять непоправимое. Без пристрелки попасть с воздуха по земле достаточно сложно, даже для такого стрелка, как я. Я же видел, что ты управлял аппаратом так, чтобы иметь постоянную скорость и высоту. И я пробовал сам управлять им одной рукой. Это очень тяжело, она реагирует на малейшее изменение положения ручки, одной рукой удержать ее сложно. Так?

– Да, конечно. Внешне вроде как просто, а на весу и скорости довольно сложно.

– Макаров обвинил тебя в попытке покушения на государя, при мне.

Макаров был министром внутренних дел, до этого – сенатором, долго министром не просидел, но в 11-м году был в силе и фаворе.

– Тогда не брать механика не стоило.

– Да соглядатаев на озере и без него хватало. Николя знал, куда я еду. Поэтому и говорю: «Нас ждут великие дела!» Садись, поехали.

От выбежавшего из калитки Беклемишева он просто отмахнулся. Остановившись перед домом, после того, как выгрузили планер, приказал надеть парадный

мундир. Но по дороге говорили только о делах, связанных с производством алюминиевых сплавов. Он, оказывается, дал телеграмму Гуго фон Вогау и вызвал его в Адмиралтейство, в Особый комитет. До этого хочет успеть повидаться с царствующим племянником. У того есть специальное время для родственников. Поэтому летели как сумасшедшие. Князь с остервенением жал на грушу клаксона, распугивая всех. Визит к императору несколько затянулся, потому что большую часть времени великий князь передавал тому свои ощущения от полета, но твердо заявил, что при управлении одной рукой аппарат рыскает, и прицелиться практически невозможно. С земли это незаметно, но это так. Человек, свободный от управления, может произвести и прицельный выстрел, но все зависит от «управляющего», чтобы выбрать поправку, требуется пристрелка. Теоретически управляющий планером пилот может бросить бомбу или гранату, но точность будет, как у тех цветочков, которые покрыли достаточно большую площадь.

– Я тебя понял, Александр Михайлович. Обвинение Макарова абсурдно по отношению к подполковнику. Он хотел произвести впечатление, и сделал это весьма успешно. Дома только и разговоров об этом, а Анастасия, похоже, вообще голову потеряла. Он для нее герой, почище Зигфрида, и, кажется, собралась воочию убедиться, что у него между лопатками есть кленовый листик. Он у вас есть, подполковник?

– Мне об этом говорили, а сам туда я посмотреть не могу.

– Даже если он есть: не показывайте его Анастасии! – государь шлепнул рукой по ручному звоночку, что-то шепнул вошедшему адъютанту и ловко перевел разговор на технику и проблемы вокруг нее.

Внесли коньячок из императорских подвалов, под него удалось оговорить несколько условий: во-первых, поставки дельтапланов императорской семье будут произведены только с металлическими трубами, а не из бамбука. Государь объявит строительство Волховской электростанции и алюминиевого завода по технологии Эри приоритетной задачей на этот и следующий год. На очереди Свирский каскад, потому как мощности требуется наращивать, бокситов у нас достаточно. Господина Гуго фон Вогау приняли не в Адмиралтействе, а в Зимнем дворце, тот растаял и влип, как оса в мед свежей откачки. Пусть жужжит, но императорский двор приказал патенты военные никому не продавать и не отдавать, а авиационные патентовать за государственный счет. В общем, немного обезопасили самих себя и будущее производство. Так и требовалось

действовать, если понимать глобальность стоящих перед страной проблем. Закончился прием совершенно удивительно: Александр Михайлович, выйдя из дворца, а мы были ну, вежливо говоря, под шофэ, вызвал себе машину, а мне – шофера.

– Ключи и документы на нее забирай себе, как приедешь, механик поездом доберется. Вечером тебе завезут дарственную.

– Не понял, а как же вы?

– У меня еще есть, не беспокойся, но ты мне должен такой планер, из металла. Но – первым из Романовых! Договорились?

– По рукам!

– Учти, кто бы ни просил! Я – первый!

Аванс в виде «Rolls Royce», королевской комплектации и ручной сборки, за простейший планер – позволял отправить любого встать в очередь и ждать исполнения этого заказа. Особенно, если ты Николашку и в грош не ставишь. Если честно, то сто процентов успеха обеспечил именно Александр Михайлович, я был чем-то вроде рекламного плаката, на который ссылались, когда переговоры заходили в тупик. Факир на час. Любимчики у императора появлялись и исчезали мгновенно. Кто успевал откусить кусок пирога от его милости, кто-то – нет. Переменчивый характер и дикая внушаемость были его характерными особенностями. Чтобы «закрепиться», требовалось понравиться его супруге, а она была весьма «своеобразной» женщиной, с весьма примитивными взглядами на жизнь. Женщина-загадка, из варианта: «хрен знает, что ей будет интересно в этот момент времени». В следующий момент может потребоваться совершенно противоположное. Было совершенно понятно, что больше всего ее беспокоит судьба «наследника», но генетические болезни неизлечимы, и я не лекарь, а инженер. Общих точек соприкосновения не было и быть не могло. Этот вариант отпадал сам собой. Я же не Григорий, чтобы предсказывать, хотя точно знаю, что произойдет.

С «королевской комплектацией» я несколько ошибался: она касалась только отделки салона. В техническом плане машина была… как бы это помягче

сказать… полным артефактом. Стартера не было, керосиновые фонари вместо фар, генератор присутствовал, но использовался только для работы зажигания, которое, кстати, имело двухпроводную проводку, то есть без общей массы. Каждая свеча, помимо высоковольтного провода, снабжалась медным кольцом с разъемом для второго провода. В общем, жуткий примитив. Но двигатель работал классически хорошо: низкооборотный, практически бесшумный, с коробкой-вариатором, то есть с бесступенчатой коробкой передач. Ему еще только предстояло стать автомобилем. На следующий день, уже на подаренной машине, я подъехал в Дудергоф и встал на то же место. Пришлось подождать более часа, прежде чем подъехали целых три машины, из которых вышли пятеро девиц и трое гвардейских офицеров, обер-офицеров. Я же был без знаков различия и весь в коже. Ольга прибыла в одежде, совершенно не подходящей для полета. Я был зол на опоздание и делать скидки не собирался.

– Естественно, что царственные особы не опаздывают, а задерживаются, я правильно понимаю? И, судя по одежде, у вас сегодня не полеты, а вечеринка намечается. Не буду вам мешать.

Княжна несколько оторопела от такой встречи, а гвардейцы решили еще и норов показать. Но первый же сунувшийся познакомился с отбоем, проводкой и подсечкой в стойке и улетел под машину.

– Господа обер-офицеры! Вы имеете дело со штаб-офицером, инженер-подполковником по Адмиралтейству, начальником инженерного управления Особого комитета, и рискуете нарваться на серьезные неприятности. На номера машины посмотрите внимательно.

А «дворцовые номера» были украшены гербом великого князя. Корнет и подпоручик помогли вылезти из-под машины еще одному корнету, пытавшемуся надавать мне пощечин, и уняли его пыл. Связываться с флотскими не рисковали даже обер-офицеры гвардии, тем не менее испачкавшийся 17-летний шкет пообещал прислать мне вызов. Совместный полет оказался на грани полного срыва, но приотставшая от группы великая княжна вдруг резко повернула назад и быстрым шагом подошла ко мне.

– Не я виновата в опоздании, господин Гирс. Мама? и папа? запретили даже думать об этом, и потом, у меня нет такой одежды.

– Этого объяснения достаточно. Вот новый комплект летного костюма, а это дача генерал-майора в отставке Беклемишева, Петра Даниловича. Попросите его предоставить вам место для переодевания. Волосы требуется убрать под шлем или под одежду.

Девица схватила пакет с формой и направилась к калитке, за которой уже маячил пожилой генерал. Тот, естественно, не отказал дочке императора. Я прикрепил к машине записку, указывающую маршрут движения, а сам опять потащил довольно тяжелый планер наверх и стал его собирать. Княжна пришла не одна, а с еще одной девушкой, по имени Валентина. Поверх брюк она нацепила юбку, и мне вновь понадобились кольцевые резинки, благо что юбка была широкая. Пока я заканчивал собирать планер, мне устроили небольшой экзамен по русской и мировой словесности и поэзии. А читал ли я то, а помню ли это? Я закончил сборку и еще раз вогнал княжну в краску, так как требовалось подобрать темп совместного бега, а бегать она не слишком умела. Минут десять мы тренировались, затем выяснилось, что наклоняться и ложиться на живот у нее получается, а вот попасть ногой в высоком ботинке в кольца – не очень. Еще двадцать минут убили на это. Там, внизу, даже заволновались, и на площадке появились какой-то мичман и три оставшиеся девицы. Появление мичмана вызвало приступ гнева у княжны, и ему в резких фразах было высказано, что ему следует вернуться обратно. Девушка была «с норовом». Но мы были уже практически готовы, и через пять минут оказались в воздухе. Весь сонный летний Дудергоф проснулся и встрепенулся от громчайшего визга! Кажется, что все яблоки в садах просто осыпались.

– Так страшно? Поворачивать обратно?

– Ни в коем случае! Господи! Я лечу!!!

Дальше все происходило по самой спокойной программе, пока княжна не проскользила над самой водой и не коснулась ее пальчиком. После этого она просто потребовала показать фигуры высшего пилотажа. Но я ограничился одной нисходящей бочкой, которая княжну слегка напугала и умерила ее пыл. Все, заход на посадку, я заранее попросил ее освободить ноги, поэтому посадка прошла без сучка и задоринки. Отцепившись и сняв подвесную систему, княжна стояла и смотрела вниз с вершины на озеро, над которым только что кружилась. Стояла, плотно сжав губы. Затем быстро несколько раз перекрестилась, повернулась ко мне и, несмотря на присутствие четырех подружек, быстро меня поцеловала. Девицы зааплодировали и тут же наперебой стали проситься в

небо.

– Дорогие мои девушки, чтобы вылететь еще раз, понадобится куча времени: костюм для полетов у меня один, плюс на подготовку великой княжны к полету мы затратили два с лишним часа. Поэтому на сегодня полеты закончены. Я обещал этот полет только великой княжне три дня назад. Я свое обещание сдержал, несмотря на опоздание и хамское поведение ваших знакомых.

– Но мы все хотим подняться в небо!

– Пока на таких планерах умею летать только я. Других инструкторов нет, и я не в силах обучить всех желающих, тем более что мой отпуск скоро заканчивается, а занимаю я очень серьезный пост в Особом комитете по возрождению флота. Но я могу пообещать, что Гатчинский авиаотряд весь будет обучен этим полетам и инструкторы у нас будут. Плюс ожидается значительный приток желающих со стороны Петербургского Товарищества Авиации, по меньшей мере мне это обещали. Кстати, это один из путей в небо для девушек.

Но нас, оказывается, подслушивали! Из кустов вышли два гвардейца и тот самый, отправленный вниз, мичман.

– Господин инженер-полковник, разрешите обратиться?

– Слушаю вас, мичман.

– У нас два вопроса: где вас найти, чтобы вручить вам вызов от лейб-гвардии корнета Васильева? За вами – выбор места и оружия.

– Метательный нож, здесь в Дудергофе, у верхнего озера. Это вон там, за тем пригорком.

– Что это такое «метательный нож»?

– В Карском гарнизоне – весьма распространенное оружие для войны в горах. Примерно такое. – Я достал из бокового кармана комбинезона обнаруженный еще в Царицыне, небольшой, красиво украшенный, метательный нож из булата. Я его брал в воздух в качестве стропореза. Показал и метнул его в сосну, на

которой висело какое-то объявление.

Один из секундантов пошел считать шаги до дерева, у него получилось двадцать два шага. Он даже присвистнул, громко объявил результат и с трудом вынул нож из дерева и фанерки. Сбил ударом кулака дощечку и принес ее обратно.

– Вот, ему надо показать. Ох и не завидую я ему! Господин полковник! Главный вопрос: как перейти в ваш авиаотряд? Мы внимательно смотрели, что вы вытворяли в воздухе, и хотим так летать. Все трое. Подпоручик Гальвин, лейб-гвардии Семеновский полк.

– Да ничего такого особенного я не вытворял, я же девушку вывозил, она впервые в воздухе.

В общем, тащить вниз собранный планер мне не пришлось, а ближе к вечеру все четыре офицера приехали в Мариенбург, в мастерскую, приезд четвертого кодексом был не предусмотрен, за исключением одного случая: принесения извинений, которые были приняты. Но из всех четверых в школу поступил только Гальвин. Мичман Воронов закончил планерную школу при ПТА, затем одним из первых переучился на моторный дельтаплан, не уходя из экипажа яхты «Штандарт», на которой он стал старшим помощником командира. Но это было уже позже. В общем, начало моей жизни в северной столице началось достаточно бурно и с небольшими приключениями. Не любили здесь новичков, никто же не знал того, что я здесь прожил большую часть своей жизни, и, надеюсь, еще поживу, тем более что сразу после выпуска второго аппарата я передал все в производство, а сам уселся конструлить спасательный парашют С-ЗУ. Затем подъехал Уфимцев, который резонно посчитал, что Курск и Петербург по своим возможностям сильно различаются, и начались бдения с системой управления этим, достаточно капризным, движком.

Глава 3. Рождение компании и технические сложности первого этапа

Но пока из Франции привезли первые чушки алюминия, пока мы освоили выпуск шести различных сплавов в Политехе у старшего Лебедева, мы успели полностью переделать двигатель АДУ-3, который был компрессионным, в

двухтактный бензиновый, с продувочным двухроторным компрессором. Один двигатель делали самолетный, второй, с кривошипно-камерной продувкой, был малого веса и малой мощности, его планировали установить на дельтапланы. Плюс удалось «выбить» командировку в Швейцарию, откуда я привез патент на выпуск двигателей типа Сальмсон. Семи- и девятицилиндровые. Там же удалось договориться о приезде сюда шести ключевых инженеров-теплотехников этой небольшой малоизвестной фирмы. Но они первыми в мире приступили к созданию не вращающихся «звезд», в прямом и переносном смысле этого слова. Запатентовать свой двигатель они еще не успели, ни одна машина с ним еще не летала. Патент на него создавали уже здесь, в России. Из Франции завезли основную часть оборудования для ковки шести кривошипных коленвалов. Но это – задел на будущее, эти технологии еще только предстоит освоить, основной упор делался на производство однорядных звезд в кремний-алюминиевом картере, но не водяного, а воздушного охлаждения, тогда как «Сальмсон» ориентировался на водяное охлаждение. Первый же двигатель АДУГ-4 имел ни много ни мало 200 лошадиных сил мощности при весе 90 килограммов, его удельная мощность равнялась 2,21 л.с./кг веса. Ghome и Rhone даже одну лошадь на кило выдать не могли. По весу, а ориентировались на него, мы попали, вес 80-сильного «Гнома» был 94 килограмма, а вот аэродинамика и прочность «Фармана» вряд ли могла позволить установку такого двигателя. Почти безусловно развалится. В общем, возить девушек стало совершенно некогда. На Вороньей горе и на аэродроме установили рельсовые дорожки, по которым катались стартовые тележки, и между делом я активно готовил инструкторов-планеристов в составе 25 человек, первого набора курсантов нашего отряда, только научившись летать на пилотажном дельтаплане, человек имел право пересесть на самолет, которые тогда назывались по-французски. Дабы не выбрасывать все имеющиеся «Фарманы», мы уменьшили объем АДУГ-4, доведя их мощность до 130 лошадиных сил, и увеличили объем топливных баков. Если летом 1911 года из восьми самолетиков из Гатчины в Москву долетел только один за 25 часов 56 минут, то осенний перелет 12 машин в группе, несмотря на более плохие погодные условия, позволил без единой потери за 8 часов, с одной посадкой, перелететь на Ходынское поле. Мировой рекорд перелета в группе. Но чего это стоило! Понимаете, движок – очень хороший. Просто замечательный! Но у него есть одна особенность: он – двигатель, он – движется, весь. У него две точки опоры, в которых стоят опорно-упорные подшипники, а все остальное – вращается в разные стороны. А чтобы он вращался, ему требуется подать топливо. С этой задачей сам Уфимцев справился лишь частично, из-за чего он и забросил свой гениальный двигатель и прекратил с ним заниматься в 1912 году. Я же профессионально занимался этой проблемой в конце 80-х – начале 90-х и создал уплотнение, которое не имело

точек трения, если не считать гидравлического. И именно в неподвижной крышке полого вала двигателя я сделал карбюратор диафрагменного типа, через который подавалось не топливо, а богатая газовая смесь, впоследствии смешивалась с продувочным воздухом, обеднялась – и отлично горела, причем в нужном месте. В цилиндрах, а не в картере. Этот карбюратор позволял регулировать обороты двигателя от самого малого до форсажа. И ни одной трущейся детали. Все уплотнения – неподвижные, часть из них имели гидравлические запоры. Надежность и наработок до первой переборки подскочили с 10 часов до 400. Была возможность поднять наработок еще выше, но родились другие двигатели, и мы его забросили, по большому счету занимались только маломощными, альтернативы которым просто не было. Но схема родилась у меня в голове еще в сентябре, а полностью реализовали ее через три недели. Успели перемоторить дюжину самолетиков и принять участие в московском воздушном параде. Одновременно установив рекорд группового перелета. Что немаловажно, весь полет проходил по графику, садились на дозаправку строго в определенном месте. После этого Ульянин признал, что идея его «складного самолета» устарела.

Той осенью все 12 машин летели вооруженными 24 британскими пулеметами «Льюис», правда, под британский патрон. Фирма обещала прислать пулеметы под «54R». Наш «большой шеф» проел мне плешь, говоря, что пулеметы должны быть на турели, но я настоял на варианте, когда целится и стреляет пилот, а не летнаб. Добавка 50 «собачьих сил» несколько изменила возможности «старого» биплана, но внутри нашей будущей корпорации уже трудился «конструкторский отдел» в составе трех человек: Шаврова, Кербера и… Поликарпова. Кстати, Игорь Иванович Сикорский, несмотря на уговоры, к нам не пошел. То есть его отъезд в Америку был предрешен еще тогда, он был «настоящим западником» и горел только одной мыслью: быстренько срубить «капусту» и успеть на последний пароход. Просто самолеты в Америку еще не летали. На все наши успехи смотрел с легким презрением: сперли идею у Лилиенталя, биротативные движки – русское УЕ, мощные двигатели воздушного охлаждения – будут перегреваться и тупиковая ветвь моторостроения. Переговоры с ним я прекратил, как только Шавров и Кербер перешли на работу в отдел, а Поликарпова просто переманил, пару раз поужинав в его компании в Питере.

Инструкторы и курсанты школы сильно выделялись среди местной публики, так как летные кожаные комбинезоны они не снимали, помоему, круглосуточно. Плюс, за счет казны, все летчики были вооружены 10- и 20-патронными «маузерами» под 7,63 и 9 мм патроны, что резко выделяло их среди остальных военных. Эти игрушки, как и кожаные тужурки и зимние куртки, еще только

входили в моду. Комиссары в пыльных шлемах их немного скопировали с популярных фигур авиаторов начала 1910-х годов. Все были узнаваемы, репортеры нас просто на куски рвали, мне не помогало уже и переодевание просто в морскую форму. Да тут еще дамы узнали, что государь определил мне повышенный оклад в октябре, а кто-то тиснул в газетах, по-моему, небезызвестный Буренин, о моих доходах с продаж «УТД-1», обозвав его «дутиком», так все решили меня женить, просто отбою не стало. В «светских кругах» я прослыл «всезнайкой и задавакой», меня поставили на «игнор», если собирались толпой, а вот приглашения на семейные посиделки сыпались просто рекой или водопадом. Достали хуже горькой редьки! С избытком хватало посиделок, от которых возможности отказаться просто не было. «Высший свет», увидев, что я пользуюсь успехом у большей части императорской фамилии, отчетливо понял, что со мной лучше дружить, чем ссориться. Даже пресловутый Петр Николаевич как-то пригласил к себе на день ангела. Но это было уже зимой.

Осенью же пришлось знакомиться с многочисленной родней. Мать была третьей женой Дмитрия Гирса, довольно известного писателя и вдохновителя реформ Александра Второго, которая после его смерти вернулась в Швецию, оставив единственного сына на воспитание в морском корпусе. Финансировалось это дело за счет оставленного непосредственно мне отцом небольшого капитала, плюс один из «дядьёв», известный петербургский юрист Фёдор Гирс, привечал двоюродного племянника и позволял ему общаться со своим сыном Алексеем, который делал стремительную административную карьеру. В общем, четыре или пять губерний в России управлялись Гирсами, плюс на флоте и в дипломатии часто звучала эта фамилия. Отец, по рассказам дяди, был «вольнодумец» и «большой экономист». Все это я извлек из памяти Степана, когда в конце сентября в Петербурге появился двоюродный брат Алексей. Который не поленился приехать в Гатчину и встретиться со мной, вместе с пожилым «дядей Сашей», еще одним «губернатором расейским», тот, правда, теперь в Ревеле сидел губернским судьей, практически в отставке. Не могу сказать, что эти визиты мне понравились, потому что меня хотели использовать в каких-то подковёрных играх. Главное, что интересовало Алексея: не выспрашивал ли меня Николай о нем? Он довольно серьезно прокололся, так как в сентябре в Киеве, во время нахождения там царственной семьи, некто Богров тяжело ранил премьер-министра Петра Столыпина, который умер через несколько дней после этого. Я ответил, что встречался с государем до его отъезда в Киев, и не знал, что Алексея обвиняют в произошедшем. И что контактирую в основном с двумя великими князьями, находящимися в спорах, так что забот и без этого хватает. Но пришлось пообещать, что если представится возможность, то непременно

сообщу, что Алексей далек от этих событий. Не знаю, что делал здесь «дядя Саша», но на следующий год, когда начались флотские испытания мотодельтапланов, то мы еще несколько раз встречались, и я жил и у него в доме, и в его имении под Ревелем. Но это было позже.

Еще одно интересное событие произошло 15 сентября вечером на Загородном проспекте у Царскосельского вокзала. Поручик (при переходе в негвардейское соединение гвардейцы получали очередное воинское звание автоматически, а во многих случаях даже перепрыгивали через звание, но в данном случае этого пока не произошло) Гальвин при приземлении немного повредил лодыжку, ему пришлось оставить свой автомобиль в расположении, и я его подвез до офицерского дома на Загородном, где он квартировал. Помог ему подняться на лифте до квартиры и уже возвращался домой, когда в свете фар мелькнула фигура, и пришлось резко тормозить. Хотя удара не было, но человек сидел на поребрике и держался за ногу. Черт, везет мне на хромых сегодня!

– Ушиблись? – спросил я его, но в ответ услышал:

– Рас итквит астраханис амидзе?[1 - Как погода в Астрахани?]

– Дзлирад цвистимз, дзирпасо[2 - Сильно дождит, дорогой.].

– Товарищ Серго интересуется: почему не доставили деньги по адресу?

– Пароход в Астрахани не остановился, по карантину, из-за холеры.

– Деньги промотал? На них шикуешь? – Но заметив приближение заинтересовавшегося полицейского, тихо прошептал: – Полиция, увези меня отсюда, Конрад. – Открытая правая дверь, водительская, прикрывала его.

– Давай руку! – дверь открывалась спереди, но незнакомец быстро сел слева в машину, не притворяясь, что хромает.

– Господин полковник! Что-нибудь случилось?

– Ничего страшного, прохожий оступился и подвернул ногу, ему на Варшавский, мне по пути. Подброшу бедолагу. – И протянул пятак полицейскому за

беспокойство.

– Рад стараться, вашбродие, премного благодарствую! – взял под козырек служивый.

Я сел за руль, и мы тронулись.

– Чижиков, Петр, по паспорту. А так товарищ Коба, слышал о таком?

– Слышать – слышал, но не встречались, выслали его, в Вологду, по-моему.

– Туда, туда. Здесь нелегально, так что попадаться нежелательно. Есть почта и долг за тобой в две тысячи рублей, которые тебе передали в Карсе. – Он передал пакет.

– Чеком возьмешь?

– Возьму, но ты понимаешь, что это нарушение конспирации?

– Наша встреча – тоже нарушение.

– Ты на связь не выходил.

– Связь мне обещали предоставить в Астрахани, но я туда не попал.

Я свернул с Царскосельского проспекта на Обводный.

– Тебе куда, Коба?

– Все равно, лишь бы не в городе, тебя долго искал, сказали, что у Семеновских казарм бываешь, три дня ждал. Ночевал на ипподроме, в кустах.

– Гатчина подойдет?

– Лучше Тосно.

– Тогда зря свернули.

– Да ничего, вот если бы у тебя нашлось 15–20 рублей, было бы значительно проще.

Я достал бумажник, но купюра с отцом нынешнего императора товарищу Кобе не понравилась.

– Если есть, то помельче, сам понимаешь, в таком виде щеголять такими купюрами опасно.

У меня нашлись четыре синеньких банкноты и одна зеленая. В кармане куртки – пригоршня мелочи.

– Вот это дело! Тридцать один рубль, верну.

– Да не беспокойся, Коба. Я теперь большой начальник.

– Вот это плохо! Я думал, что у тебя переночевать можно будет и помыться.

– Нет, пока снимаю, хозяйка в доме.

– Понятно. Тогда давай здесь остановись. – Мы подъезжали к Нарвской стороне, уже проскочили через железнодорожные пути. Я свернул во двор, включил свет в машине и выписал чек.

– А чего так много-то?

– Партвзносы и то, что могу сейчас дать. Бумагами все обеспечу, за поставку бамбука с Дальнего Востока, там написано.

– Понял. Завернуть есть во что? – Нашелся плотный пакет и несколько книжек-инструкций, куда поместили чек.

– Как с тобой связь держать?

– Дать какой-нибудь невинный адрес, ко мне сейчас лучше не соваться, я в такие дебри влез.

– Запоминай! – Коба несколько раз повторил адрес в Минской губернии. – А что за дебри? И что за эмблема на погонах?

– Авиация, меня сделали начальником инженерного управления по ней.

– Ого! – Мне пожали руку и попрощались. Бородатый Петр Чижиков исчез в темноте ночи.

Пакет я вскрыл и прочитал уже за городом, кроме трех писем из Франции, двух легальных газет «Звезда», внутри находилось несколько, написанных мелким убористым почерком, листков, в которых говорилось о подготовке проведения Всероссийской партконференции, проведению которой препятствуют меньшевики-ликвидаторы, перевербовавшие двух из трех хранителей партийной кассы, так называемого наследства Шмита. В ней же автор делал анализ, довольно подробный, о политической ситуации в России, в том числе о том, что репрессии, начатые Петром Столыпиным, постепенно сошли на нет и Россия начала активную подготовку к войне на Балканах. Автор очень точно описал состояние экономики и доказывал на этом основании, что результатом этой войны будет новое поражение царизма. Там же назывался реальный срок готовности экономики к такому потрясению: 1916–1918 года. Призывал усилить работу в армии, так как вооружение народа возможно только в условиях «большой войны». Вторую Балканскую он называл просто авантюрой, которая не приведет к массовому увеличению армии, то есть в современный момент не соответствует целям и задачам партии. Отмечалась возросшая активность военных кругов во всех ведущих странах мира, претензиях Германской империи на передел мира, и назывался срок начала «Мировой» войны: 1915 год. Проведение конференции требуется прежде всего для того, чтобы решительно размежеваться с меньшевиками. В таком виде я ранее статью никогда не видел, по всей видимости, она была уничтожена, в связи со смертью адресата, но многие куски ее в различных статьях, написанных в период с 1911 по 1914 год, приходилось читать в первоисточниках. Насколько мне известно, в составе РСДРП профессиональных военных в тот момент не было. Из писем из Франции стало понятно, что у Петербургского центра теперь новый руководитель, тот самый «Чижиков», с которым мы только что расстались. Я знал его настоящую фамилию и его судьбу. «Дядюшка Джо», генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин, он же Джугашвили. Сохранять что-либо из пакета я не стал и начал

подготовку к командировке в Европу. Требовалось встретиться с автором статьи, так как обстановка вокруг меняется с калейдоскопической скоростью. Фигурки собираются весьма быстро. Взрыв однозначно произойдет раньше, даже раньше августа 1914-го. В условиях общей неготовности к войне произойдет действительно катастрофа.

Глава 4. Житейские проблемы

Ну и от политических передряг вернемся к житейским. Первые полтора месяца я спокойно проживал в двух комнатах уютного домика на окраине Гатчины, в полукилометре от аэродрома и буквально в нескольких шагах от мастерской. Хозяйка дома – еще молодая вдова гвардии майора Струве, погибшего двадцать лет назад на Памире в составе экспедиции Ионова, которая провела картографирование южных границ бывшего Кокандского ханства и остановила экспансию Британии и Китая на Памире. До этого он был командиром гвардейской роты Измайловского полка, охранявшей дворец в Гатчине. Примкнул к экспедиции подполковника Б. Л. Громбчевского, известного военного географа, известного чуточку меньше, чем такой же поляк Пржевальский, но именно он «открыл» Чогори, или К2, или «пик цесаревича Николая», второй по величине восьмитысячник в мире, правда не совсем точно определил его высоту: вместо 8614 метров, намерил 8799. Василий Струве был внуком знаменитого астронома и племянником пермского губернатора. За несколько недель до отъезда он женился на молоденькой девице, в те годы девушки выходили замуж рано, а вот женихи были сплошь весьма подержанные. Причина была чисто экономической: платили в армии не слишком много. Гвардии майор получал 1300 рублей в год! И это на треть больше того, что платили армейцам. А тут еще слухи пошли, что ликвидируют звание майор, у кого ценза хватит, тот получит подполковника, у кого нет – быть тому капитаном. Александр III денежки считать умел! Поэтому смог вывести флот на третье место в мире по тоннажу, построил кучу крепостей, развил цементную промышленность и сделал много полезного для страны, но популярностью совершенно не пользовался, так как не покупал ее за деньги. Отряд Ионова понес всего три потери, из них две боевые. Майор умер от болезни, но при этом упал с лошади и сильно разбился. Смерть его была описана как героическая, чтобы статистику не портить, в результате пенсию за него получала молодая и бездетная вдова. Но! Только в статусе вдовы! Стоило ей выйти замуж, и ей перестали бы ее выплачивать. А вокруг живут одни военные и их жены, так что

пригляд за поведением вдовушек, а это вовсе не редкость в гарнизонах, был строгий. Кроме гвардии, других частей в городе не стояло до весны 1910 года, когда началось строительство ангаров для дирижаблей, водородной станции и тому подобных сооружений. Затем появились летчики. Квартирьеры направили меня по четырем адресам, этот был одним из самых далеких от аэродрома, он был ближе к Мариенбургу. Встретила меня одетая в черное платье худощавая дама в пенсне, с высокой прической и плотно поджатыми губами. Я представился и услышал ее известную фамилию, естественно, что я тогда о майоре Струве даже не слышал. Впрочем, квартиры сдавали многие обедневшие дворяне. Площади были построены под немного иной доход, с деревенек, которых не стало после реформ убитого царя.

– Я, вообще-то, предпочитаю сдавать людям семейным. Молодые люди слишком шумны для меня, – строго сказала хозяйка.

– Я пока не утвержден в должности, отправлен в отпуск для поправки здоровья после болезни. Поэтому внесу сразу всю сумму наличными за все время проживания до окончания отпуска, до первого сентября включительно. Если его императорское высочество Петр Николаевич утвердит меня начальником инженерной службы Особого комитета, после этого вы будете получать квартплату через квартирьерную службу авиаотряда. Так что отсутствие шума я могу гарантировать, мадам.

Пугать холерой я ее не стал, а она, видимо, нуждалась в деньгах немедленно, финчасть переведет деньги ей только через полтора месяца. От меня будет получать только столовые, а это совсем небольшие деньги, если все пойдет официально.

Поэтому Кристина Павловна сменила «гнев на милость» и, слегка грассируя, пригласила меня пройти осмотреть выделяемое жилье. Очень чистенько, но это не совсем ее заслуга, у нее домработница, хорошо выглаженное белье, неплохо оборудованный кабинет, в доме есть электричество. Сам дом на семь комнат, две из которых на втором этаже, а еще одна образовывала ренессанскую люкарну[3 - Тип мансарды с окнами на все стороны света.] и располагалась выше второго этажа. Дом явно заказывал и проектировал кто-то из иноземцев, коих в Гатчине всегда хватало. Дом построен где-то во времена Екатерины II – Павла I, как многие дома в этом городе того времени. Отечественная война сильно изменила облик города. Я не уверен, что когда-либо раньше его видел. Такие строения запоминаются. Хозяйка подтвердила мою догадку, что дом

строился при Екатерине архитектором Жаном-Батистом-Мишелем Валлен-Деламотом для камергера Ивана Орлова, старшего брата Григория Орлова, который после оставления службы продал его и уехал из Петербурга навсегда в Москву и Подмосковье. Через нескольких владельцев дом был куплен академиком Струве, родоначальником русской ветви этого семейства. Но годовой налог на это строение составлял более 400 рублей в год, поэтому приходилось его сдавать семьям обер-и штаб-офицеров, за которых расплачивалось казначейство. Других платежеспособных квартиросъемщиков было не найти. Я передал ей 35 рублей за два месяца проживания и двадцать рублей столовых. Мне выдали ключи и попросили слишком поздно не приходить, женщин не приводить, и выдали целую тираду того, что мне отныне запрещено. В том числе нельзя было хлопать по задницам и приставать к кухарке и домработнице.

– Знаю я вас, молодых жеребцов! – или что-то в этом роде заявила «домомучительница».

Но, в принципе, отношения с ней складывались нормальные. Видя, что я не пью, не дебоширю, а с утра до самого вечера пропадаю в мастерской, которую арендовал в первый же день, как получил отпуск, она частенько вечером сама разогревала мне ужин, а затем стала понемногу задерживаться до его окончания, весьма вежливо интересуясь, что я такое делаю, каковы успехи и тому подобное. Поговорить ей было особо не с кем: пожилая кухарка – не собеседник, а молоденькая Шурочка при хозяйке рта боялась раскрыть. Какие-то знакомые у нее наверняка были. Пару раз замечал ее в компании трех или четырех подружек, возвращавшихся на извозчике из синематографа, всех заплаканных и распереживавшихся. В выходные хозяйство полностью было на ней, так как у прислуги был выходной, хотя Шурочка проговорилась, что ранее их выходные с Пелагеей не совпадали, и раз в неделю на ней лежала и кухня. Но тогда приходилось готовить на шесть человек. Я же был неприхотлив и не капризен. Все изменил приезд великого князя, которого хозяйка выскочила встречать с книксенами и чуть ли не реверансами. Ну, а когда я вернулся домой на «Роллс Ройсе» и мне понадобилось открывать ворота, чтобы его поставить на конюшню, где давненько уже выезда не держалось, то в пятницу 18 августа, вечером, войдя в дом, я услышал женские голоса в зале, который ко мне никаким боком не относился, увидел рысцой бегающую Шурочку и пригласительный билет на тезоименитство урожденной Кристины, свет Павловны. Повода обижать хозяйку совершенно не было, разве что немного устал за день, прошел всего один день, как «катал» великую княжну и вечером помирился с ее поклонниками. Принял душ, переоделся в парадную форму, так

как заранее мне об этом не объявляли, то в качестве подарка пришлось положить деньги в конверт и подписать открытку, вытащить на свет подаренную «мировую» бутылочку шустовского коньяка, одну из тех, которые привезли гвардейцы, но оприходовать их полностью мы так и не смогли, и постучаться в залу. Четыре дамы в вечерних платьях, все из себя причесанные, надушенные, только приступили к аперитиву и чуть выпили, максимум по одной. Все «немки», во всяком случае, по фамилиям. Тут не принято знакомиться просто по имени или по никнейму. Все – вдовствуют. Так что, это клуб по интересам. Возрастом, увы, все старше меня, где-то от 35 до 50 лет. Взгляды крайне заинтересованные, но ведут и держат себя строго. Одна из них так вдова «действительного статского». Подошел к каждой, всем поцеловал ручку, обратил внимание, что кроме Шурочки, присутствует «человек», да еще и во фраке, с ослепительно-белым полотенцем на руке. Здесь не принято тянуться через стол за бутылкой и лить вино мимо стакана. Достаточно поднять кисть руки, и рядом с тобой появится фигура «чего изволите, сударь?» Камердинер смотрит во все глаза и получает неплохую сумму за вечер, если не служит в этом же доме. Но их можно и заказать, как и большинство блюд на столе.

Как только мне пододвинули стул, их своими руками тоже не тискают, раздался хлопок шампанского и несколько хлопков присутствующих дам, приветствующих это событие. Уже заполненные бокалы оказались справа от каждого, и старшая из дам высказала мнение, что наверняка именинница ждет поздравлений от единственного кавалера в этом зале. Мой стул вновь чуть отодвинут, пришлось встать и произнести тост в честь гостеприимной и великолепно выглядящей хозяйки дома, и прочая, прочая, прочая. Я уже успел наслушаться этих тостов, без которых не обходилось ни одно застолье в те времена. Аперитив мы закончили вторым бокалом шампанского, и пока происходила перемена блюд, перед нами оказался новый аперитив, но не легкий, как у испанцев или французов, а вполне себе «зубастенький» «корн кир» из смородинового ликера Cassis de Dijon, с игристым «Абрау-Дюрсо» и хорошей порцией коньяка. Знай наших! Немцы, русские немцы, этот «маневр» знают наизусть! Ну, а поданная уха, большую часть которой составляли аппетитные и аккуратно нарезанные куски осетра и стерляди, выложенные на дне тарелки в виде рыбы, просто потребовали подать «смирновскую», да со слезой! По чуть-чуть, так, чтобы погасить этот огонь, мы его зальем знаменитой юшкой из стерляжьей ухи. Девочки расстарались с обедом, и теперь заметно, что всем командует «действительная», как самая опытная. Уха чуть расслабила дисциплину за столом, так как ее вкус всем пришелся по сердцу. Затем слово передали именинице, которая перевела все стрелки на меня, что он такой скромник, всего месяц в городе, а уже получил новые погоны, принят при дворе, все газеты

полны его именем, потому что создал уникальную конструкцию (соединив между собой четыре палки, улыбнулся я в душе). Это грандиозный успех, и она предлагает выпить за него! Дамы зааплодировали и решили, что самое время немного подвигаться. Зал оказался с секретным ящиком, в котором находился граммофон. И тут меня осенило! Мне же вчера подарили грампластинки. Дарила их девушка, а звали ее София Долгорукая. Что она говорила по этому поводу? Что это только доставлено из Парижа, где эта музыка и этот танец произвели полнейший фурор. Точно-точно! Извинился перед хозяйкой и вышел в свою комнату, достал четыре конверта, где лежали Milonga de Buenos Aires, Tango de Argentino и еще пара мелодий, названия которых я даже и не прочитал. Подарки поклонниц подарками не считаются! А эта самая Софья рвалась в небо.

Вернулся я быстро, дамы только заканчивали крутить ручку у древнего аппарата.

– Одну минуточку, мне вчера княгиня Долгорукая сунула вот эти грамзаписи, только что доставленные из Парижа. Это новинка сезона, которая имела громадный успех во Франции. Предлагаю послушать их. Тем более что мне немного знаком этот танец.

Первым легло на диск «Аргентинское танго». Я же показал вначале движения мужской партии, объявив об этом, а затем женскую, чем сорвал подачу второго блюда. Потому что все, кроме Анастасии Дюрекс, вдовы «действительного», решили немедленно обучиться новейшему танцу. Танцпол заработал во всю мощь, через двадцать минут дамы освоили основные движения и лихо отплясывали «хит сезона». «Действительная» смотрела-смотрела на все это действо и объявила белый танец, пригласив меня. Этим она удивила всех: не выполнив заранее ни одного «па», она настолько прочувствовала танго, что остальные остановились и начали аплодировать в такт музыке, еще больше поощряя Анастасию Давмонтовну полностью отдаться зажигательному танцу.

– Эх, скинуть бы лет тридцать! Спасибо, давно не получала в свой адрес аплодисментов! – сказала она после того, как мы раскланялись, и я повел ее на место.

На самом деле я сделал все это намеренно: увы, я заканчивал военное училище в другое время, в его расписании не было бальных танцев, как у всех довоенных офицеров императорской армии. Мы же все самоучки. А хорошие танцоры класс и уровень подготовки партнера улавливают мгновенно. Да и большую часть этих

танцев я никогда в глаза не видел, не то чтобы с легкостью исполнять их. Хорошо, что соображай включил, когда последовало предложение немного размяться. Всем понадобился перерыв и перекур, выяснилось, что Кристина Павловна покуривает, впрочем, как большинство женщин того времени. Танцевала она тоже хорошо, но дистанцию мы с ней держали «пионерскую», в стиле танго-салон, самая молоденькая из них первой нарушила этот стиль, второй была самая старшая, которая хорошо уловила, что подразумевает этот танец. И заставила остальных понять это.

Шуточки за столом несколько примолкли, четыре одиноких женщины и один одинокий мужчина, которого не разделить на четыре части. Поэтому вторая часть ужина была несколько скомкана, и все засобирались домой, даже отказавшись, чтобы их проводили, впрочем, им повезло, и они остановили извозчика, возвращавшегося в Гатчину из Красного Села. Весело помахали нам двоим, стоявшим на брусчатой дороге. Я взял Кристину под руку, и мы молча вернулись в дом. Она еще немного погоняла Шурочку и ее помощников. Закрыв за ними дверь, через некоторое время осторожно постучалась в кабинет. Вошла, толкая перед собой небольшой столик на колесиках, на котором стояло несколько бутылок и лежали различные закуски, которые могли испортиться до утра.

Несколько дежурных фраз, про праздник, про то, что это надо бы доесть, чтобы не выбрасывать, мы пересели на диван, я наполнил ее фужер и себе рюмку.

– Я немного всем испортил праздник?

– Скорее, не вы, а милейшая Анастасия Давмонтовна заставила нас всех вспомнить, что мы – женщины. Женщины с несчастной судьбой. У них хотя бы дети есть, я же была замужем чуть больше двух недель. Угу, проводила человека, который так и не стал мне дорог и близок, и который не вернулся. Не девушка и не жена. С мужем мы познакомились примерно за месяц до свадьбы, когда он приехал к нам свататься. Мне было 22 года. Из-за хрупкой фигуры на меня особо никто и не смотрел. Родители ему не отказали, а на меня прикрикнули, что и так в девках засиделась. Через два года пришло известие, что он погиб где-то на Памире, там и похоронен. Его командир помог мне выбить пенсию, так и живу на нее в этом огромном доме. Попробовала что-то изменить, пошла на курсы бестужевские, так родня и соседи так взъелись, пригрозили в постриг отдать. Папа был католиком, а я, когда замуж выходила, лютеранкой стала. Струве тоже глаз на этот дом имеют, так что вести себя приходилось

строже, чем в монастыре. Я ведь выгнать вас хотела, когда вы пришли смотреть квартиру, да деньги были нужны срочно, вот и подумала, что греха большого нет, если два месяца поживете. Вы не выглядели тогда так, как сейчас, бледны были, осунувшимся таким.

– Я же говорил, что болел тяжело. Меня даже отпели и в мертвецкую поместили.

– Правда?

– Правда.

– Ой, как жутко! А что такое было?

– Холера. Мне поэтому отпуск и дали.

– И он заканчивается? Когда?

– Он уже закончился, меня утвердили в должности, Высочайший приказ опубликован. Пока я в отгулах, с первого сентября приступаю к основной работе.

– Переедете?

– Вы меня гоните? Я лично не собираюсь никуда переезжать.

– Не гоню, боюсь, что сами уйдете. Я же уже совсем старуха, мне 42, вон, седина уже полезла. – Она несколько раз провела пальцами по своей прическе. Бабий век короток! – Поцелуйте меня.

Вот и правильно, разговоры разговаривать в этих условиях бессмысленно, все и так понятно. А вот то, что она использовала в качестве платья-халата, расстегивать – чистое наказание. Фигура у нее оказалась очень неплохо сохранившаяся. Желания настолько захлестнули ее, что она слова произнести не могла, зуб на зуб не попадал. На «работу» ни мне, ни ей завтра не идти, так что, пока она всю себя не израсходовала до полного изнеможения, ни я, ни она не останавливались.

Но, даже уснув на короткое время, Кристина встала, оделась, посмотрела на меня и сказала:

– Если произойдет чудо и у меня будет ребенок, ты не беспокойся, он будет мой и только мой. Я тебя люблю. Я – пошла, отдыхай, любимый.

Уже утром, заметив изучающий взгляд Шурочки, она ее рассчитала, причем прицепилась к тому, что та не заметила на себе соломинку, а в ложбинке ее грудей был спрятан мощный такой засос. Девочка крестилась и божилась, что «невиноватая я», но совершенно было понятно, что вино и всякие вкусности она до дома не донесла и ночевала где-то на сеновале, скорее всего, с одним из тех парней, которые вчера обслуживали наш ужин. А в понедельник и кухарке было отказано в месте. Да и клуб по интересам несколько распался.

Что касается мнения остальных членов нашего отряда и переменного состава, то никто никаких «претензий» в этом отношении никому не высказывал. Более девяноста процентов летчиков были холостыми. После известных событий 1910 года, связанных с гибелью на глазах всего города легендарного капитана Мациевича, одного из первых, закончивших обучение во Франции, летчиков, все смотрели на нас как на смертников, не понимая того, что это первые шаги в небо, а развитие промышленности и науки таково, что придется «идти по трупам». Тем более что на первоначальном этапе на создание нормальной научной базы и хоть какой-то промышленной основы не было выделено ни гроша. «Самолеты вам купили? Вот и летайте!» Это то, что касалось военной авиации. Отношение основного начальства, которое считало это блажью, только подчеркивало полное безразличие военного ведомства к этим людям. За полеты доплачивали, как за полет на воздушном шаре или дирижабле, деньги у авиаторов имелись. Не шальные, но полуторный – двойной оклад был почти у всех. Если подпоручик в армии получал 55 рублей в месяц, то летчики меньше сотни не имели. Поэтому любовниц имели все, и прямо после полета отправлялись к ним, заливать водкой свой страх и разряжаться. Послеполетных обязанностей у пилотов не было. И когда я первого числа объявил свой приказ о формировании пар, звеньев и эскадрильи, то на меня смотрели, как бараны на новые ворота. Но в тот день я вылетел на УТД-1 с «Иван Ивановичем» в первый раз. Второй полет мы совершили с Сергеем Алексеевичем, у которого к тому времени было разрешение на производство самостоятельных посадок, и я оставил его в воздухе, воспользовавшись парашютом, который я назвал С-1У. В первом полете «Иван Иванович»: мешок весом 100 килограммов, сшитый из

брезента и набитый опилками с песком, был сброшен мной с высоты примерно 400 метров и успешно приземлился, даже не лопнув. Затем я повторил его «подвиг» и совершил свой 502-й прыжок. Парашют имел классически круглую форму, подпружиненный вытяжной парашют, неотделяемый чехол, и находился в полете точно на заднице, как обычный спасательный парашют летчика. На спине, в боковых карманах лежал неприкосновенный запас, состоящий из плоской фляги с водой, плиток шоколада, сухого печенья, типа галеты, в другом кармане находилось оружие и патроны к нему в обоймах. Два клапана позволяли развернуть купол и давали небольшую горизонтальную скорость. После моего приземления и посадки подполковника Ульянина, который кружился возле моего парашюта, мы построили всю летную часть отряда, как инструкторов, так и курсантов. Слово командир предоставил мне.

– Я хотел бы напомнить присутствующим, что мы находимся на военной службе, а не на съемочной площадке какого-то фильма про «смертников». В течение этого месяца все действующие тренировочные дельтапланы и самолеты будут иметь комплект спасательных парашютов, которые позволят вам не повторить судьбу капитана Мациевича и других погибших наших товарищей. Они обеспечат уверенное спасение на высотах от 100–150 метров и выше, в зависимости от скорости полета. Чем меньше высота, тем требуется большая скорость. А вам рекомендую выйти из образа «идущего в последний бой» и «летающего на спине дракона», прекратить ежевечерние попойки и являться на вылет под шофэ. За двадцать два дня только подполковник Ульянин и поручик Нестеров выполнили полностью программу подготовки. Остальные устраивали постановочные сцены. Частенько отказывались от полетов: «Мне сердце вещует и вчера цыганка нагадала». Если нормальная армейская и флотская дисциплина не будет восстановлена в ближайшее время, то вы отсюда уедете обратно в свои части, с понижением в звании и соответствующим отзывом о вашей службе здесь. Тренировочные прыжки с парашютом начнутся после сдачи вами зачетов по их укладке и использованию. Это не касается непосредственно спасательных парашютов. Прыгать будете на других, большей площади. Первые десять штук привезут из Мариенбурга сегодня. Завтра, после развода, все приглашаются в пятый ангар на занятия по использованию парашюта. С завтрашнего дня, утром, до завтрака, всем пройти медицинский осмотр на допуск к вылетам. Вопросы есть?.. Разойдись, командирам звеньев собраться в штабе через полчаса.

– Ну, ты крут! – удостоился я толчка в бок локтем от командира.

– Да должен же кто-то их встряхнуть и настроить на работу, а то половину из них надо вымазать как трагиков или комиков. Служба есть служба.

– Это верно, и хорошо, что показал им, что они вовсе не смертники.

– Смерти еще будут, многие лихачат, зря я показал пролеты на малой высоте, но куда деваться.

– Да, если не наведем порядок, то смертей станет больше. Пошли обедать?

– Надо будет поговорить с Александром Михайловичем, чтобы питание для летчиков организовал по флотскому образцу, с кают-компанией. Половина из них перед обедом стопочку пропустит в ресторации.

– Это точно!

С дисциплиной в отряде было из рук вон плохо, а Ульянин сам этим не занимался, он – армейский, там существовала привычка не контролировать офицерский состав в этом отношении. Да и на флоте стопочку перед обедом использовали все или почти все. А вечером… И говорить не приходилось. А за август у нас три аварии, во всех случаях летчики были немного пьяны. Так что поднять вопрос было необходимо.

Пообедали мы быстро, непосредственно в штаб для командования привозили еду из ресторана при станции Мариенбург. Затем появились капитаны Вегенер и Модрах, капитан-лейтенант Дорожинский, единственный женатик из всех, и штабс-капитан Борейко. Борейко доложил и передал шесть рапортов о добровольном отчислении из школы.

– Это ничего, – сказал подполковник Ульянин, – шелуху ветром сдует, а зерна останутся.

– Может, не стоило так жестко, Степан Дмитриевич? – спросил Дорожинский. – Вчера трое из тех, кто подал рапорта, тезоименитства праздновали.

– В календаре каждый из 365 дней отмечен праздником.

– Это – верно, – ответил капитан-лейтенант, и вопрос был снят.

Приступили к обсуждению завтрашних бдений и затем перешли в ангар, куда к тому времени привезли тренировочные парашюты.

– А чем они отличаются от спасательных?

– Спасательный рассчитан на одно-два применения. Это не игрушка, чтобы ею баловаться. Здесь материалы много дешевле и условия раскрытия совершенно другие. Спасательные будут укладывать специально обученные люди, а эти будут укладывать те, которые на них будут прыгать. Каждый для себя, с помощником. То есть: два человека укладывают два купола.

И для командиров звеньев была проведена укладка, с тем, чтобы они завтра знали, как ею руководить. Инструктор у нас пока один. Плакаты были уже нарисованы, в мастерской, здесь приходилось все делать своими руками. Разбившись на пары, мы уложили шесть парашютов.

– А вообще-то, иметь такой прибор с собой – отличная придумка. А то меня жена уже поедом ест: меня не любишь, детей тоже, себя совсем не бережешь.

– Для этого и делали, Станислав Фаддеевич. Даже в цирке применяют страховку. А нам французы ее не предоставили.

– Они и сами без них летают, – напомнил Ульянин.

– Так ведь строили их шпаки, а нам сбивать другие аэропланы по сути своей положено. А им – нас. А обученный пилот – ценность.

– С этим сложно не согласиться, Степан Дмитриевич.

– Вот это и требуется объяснить людям. Я не просто так настаиваю на укреплении дисциплины. Мы – готовимся к войне, а не в цирке на потеху публики выступаем.

Глава 5. Чтобы «влиять», требуется иметь «влияние»

Вечером ко мне в машину подсел командир 3-го звена Сергей Карлович Модрах.

– Господин полковник! Тут у меня думка появилась, что применить имеющиеся у нас самолеты в бою никому не удастся. Они не вооружены и не предназначены для этого. Для этого требуются специально сконструированные самолеты. Я, хоть и закончил Александровский, но учился в Николаевском инженерном…

– То есть вы – инженер?

– Да, военный инженер. Так вот, я тут набросал кое-что, как я вижу боевой самолет. Гляньте одним глазком.

– Ну, почему одним? Я как раз в Мариенбург еду, давайте там разберем, вместе с теми инженерами, которых я привлек для работы в инженерном отделе комитета. А если все получится, то и вас туда же подключу. Свежие люди и мысли нам очень сейчас кстати.

– Но не раньше, чем я освою аэроплан. Я тут на «Ньюпоры» записался, в следующем году поеду во Францию принимать.

– Пилотажный Д-1 уже пробовали или только УТД?

– Два полета, пока без посадки. Но высший пилотаж уже пробовал.

Вот так у нас появился третий инженер, да еще и со своим проектом, не считая меня. Однако хвостовая часть аппарата вызывала некоторые опасения, не только у меня, но и у Шаврова. Поэтому было решено построить модель и привезти ее в Москву к профессору Жуковскому, у которого имелась уже замкнутая аэродинамическая труба. В Петербурге таких устройств, увы, не было. Я же в тот момент в дела самолетные не лез, отчетливо помня отличную авиационную поговорку: «С хорошим мотором и забор полетит». Все мои усилия, после завершения работ по парашютам, были направлены на двигатели. В это время в Гатчине появился Уфимцев, и все мое «внеслужебное время» я тратил на карбюратор для будущего биротативного двигателя. Это не снимало с меня ответственности за подготовку планеристов и парашютистов. Летчиков пока

готовили без меня. Я осваивать «Фарман-IV» отказался, из-за большой загруженности. Уфимцеву было показано, как существенно облегчить двигатель за счет шпилек, вставных гильз и литых алюминиевых рубашек. Он занимался этими вопросами. Я делал карбюратор и продувочный насос. Собрали мы движок очень быстро, но я уже писал, его первый экземпляр для установки на «Фарман» не годился. Зато за него уцепился Модрах. Его машина была много совершеннее «француза» и гораздо продольно крепче. А вес даже пересчитывать не нужно было. От моноплана было решено отказаться, ибо стрелять через два винта, вращавшихся с разной скоростью, было весьма затруднительно. Пулеметы пришлось ставить на верхнее крыло будущего СКМ. Затем в бешеном темпе отрабатывали «4М», 130-сильный движок, и состоялся перелет в Москву, где СКМ окончательно продули, и наши с Шавровым опасения, что «ласточкин хвост» и низкий киль дают излишне заднюю динамическую центровку машины и большие усилия на рулях, оправдались. В общем, машину вывезли на аэродром только в январе 1912 года, на лыжах. А тут еще к нам зачастил студент института путей сообщений Виктор Кербер, который объединился с Модрахом, и у машины появилось убирающееся шасси. Я сам в эти дебри не лез, отделывался консультациями и принимал участие в вечерних спорах, в которых рождалась истина. Но вперед вырвался Сикорский, который нашел деньги и построил самолет С-6, который взлетел в ноябре месяце, с импортным мотором «Аргус». Ему почему-то зафиксировали мировой рекорд скорости в 111 верст в час. Но была и еще одна деталь: машина не хотела отрываться от земли и имела большую посадочную скорость. Сикорский начал ее срочно переделывать. Но мы же ничего не показали! Мы приступили к строительству только в ноябре, хотя заготовок для самолета СКМ, по фюзеляжу, было много. Кстати, строился он не у меня в мастерской, а в мастерских ОВШ. Рекорд скорости немного поправили: для двух авиаторов. «Фарманы» с АДУГ-4м летали гораздо быстрее: 135–145 верст в час. При этом фюзеляжа у пилота не было.

Полностью доработанный СКМ поднялся в небо 25 января 1912 года. Показал скорость свыше 240 километров в час, весьма неплохую маневренность, но не был допущен на конкурс 1912 года в Берлине. Каюсь, лично я постарался. Уныние, поразившее конструкторский отдел, было ликвидировано очень приличной премией от завода дельтапланов, и приказом подготовить 4–5 комплектов серийной документации. В отличие от остальных участников проекта, я точно знал, что таких характеристик не будут иметь истребители грядущей войны. Свою задачу и они, и я выполнили: создан истребитель-бомбардировщик, способный переломить ход любой операции Мировой войны, потому как я настоял, чтобы Модрах поджал фюзеляж по оси «х» за кабиной летчика, и в новом фюзеляже расположился бомболюк на двадцать 25-

килограммовых бомб, висящих на кольце, стабилизатором вниз, по немецкой схеме профессора Юнкерса. А сделать все возможное, чтобы не допустить участия России в новых «Балканских войнах», такую задачу мне поставил ЦК партии. Сикорский получил премию в 30 тысяч рублей и должность главного конструктора завода «Руссо-Балт» в Риге. Главного! У меня бы он этого не получил, так что он был прав, когда отказывался. Да и мне «варяги» не нужны.

Всыпали мне за срыв участия в конкурсе по самое не хочу! Инженерное управление прислало комиссию, которую возглавлял лично Петр Николаевич, а у нас движок запустился, отработал четыре минуты и встал. Все усилия инженеров найти микровыключатель подачи топлива успехом не увенчались, он стоял в карбюраторе. Их сменили три! Но прозвонить цепь так и не догадались. После отъезда делегации в Берлин, на Лужском полигоне, в присутствии царя-батюшки, мы продемонстрировали бомбоштурмовой удар по позициям, подготовленным к наступлению.

Николай сорвался на крик:

– Милостивый государь! Потрудитесь объяснить, что это значит? Мне доложили, что самолет СКМ-1 не может быть показан в Берлине, так как у него не запускается двигатель, тогда как закупленные за границей двигатели работают без осечки! Все ваши «липовые» рекорды никто не фиксировал. Если бы не успехи ваших моторных дельтапланов, то вы бы уже познакомились с Тобольском или Сахалином. Вы – шарлатан!

– Так и есть, ваше величество! Мировая война, к которой мы стремительно скатываемся, уже на пороге, и показывать лучшие свои достижения в области авиации в столице будущего противника я считаю преступлением. Нажав одну кнопку, которой нет в кабине самолета, можно и эти моторы вывести из строя. Их не смогут запустить. Эти самолеты показывать противнику нельзя. Вот их характеристики, – я протянул царю бумагу.

– Ты об этом знал? – повернулся к Александру Михайловичу Николай Второй.

– Характеристики – знал, а как он выключил двигатели – нет. Не работают и все. Он не хотел ехать в Берлин, и мы имели разговор об этом. Его доводы были убедительны, Николя. Я не стал никому ничего докладывать, так как эта эскадрилья одна и построена не за государственный счет. Это его самолеты, а

летчики – наши. Никаких конкурсов самолет не проходил, на вооружение не принят. Их постройка – оплачена. Выставлять или не выставлять изделие на конкурсе – личное дело предпринимателя.

– Оно, конечно, так, но его конструкторы – служащие комитета Возрождения!

– Они подготовили документацию для серийного производства этого самолета, на пяти заводах, – вставил я.

– Что это значит? И что это нам дает?

– Возможность быстро развернуть их производство на пяти заводах, не считая опытных мастерских. Завтра все эти машины получат постоянную новую приборную доску, так как полковник (а в октябре на параде в Москве и Сергей Алексеевич, и я, получили внеочередное повышение званий и окладов) Ульянин закончил изготовление и испытания полугирокомпаса, и целого комплекса приборов для навигации в открытом море. Кроме того, Шавров заканчивает работу над тремя вариантами летающих лодок типа «Ша», существует вариант установки на поплавки аэроплана «СКМ», который требуется опробовать в реальных условиях. Его высокопревосходительство генерал-губернатор Одессы генерал от артиллерии Эбелов и градоначальник Одессы действительный статский советник Сосновский, Иван Васильевич, приглашают нас к себе для проведения испытаний, а заодно поможем с размещением первого, полностью укомплектованного, авиаотряда в Аккермане, а люди потренируются в полетах над открытым морем.

– Какая в этом надобность? Чем вас Балтика не устраивает?

– Государь, мы же с вами говорили, что важнейшей задачей для нас является подготовка к грядущей войне. Войны на «старых квартирах» не ведутся. Мы должны освоить и передислокацию, и развертывание, и работу всех служб на новом месте, затем свернуться и перекочевать на новое место, заранее переключив все снабжение на новый рубеж. А сиднем на печи ножки не укрепишь. Плюс вода там соленая, а в Балтике практически пресная. Коррозия.

– Я сам лично прослежу за всеми их перемещениями, заодно хочу посмотреть, что там за возню придумали братушки, Николя. Похоже, что вместо хорваток и словенок, они решили османок пощупать. А это нам не с руки, мы обещали

Лондону этого не делать. Однако кто-то сильно играет против нас на Балканах.

Россия, ее Генштаб, будущий военный руководитель грядущих революций, выставил ряд условий новообразованным балканским государствам, которые создали «Балканский союз». Целью первой Балканской войны должны были стать экономически сильные Хорватия и Словения, что позволяло выйти к границам Австрии с юга. Что, кстати, могло лишить флот Германии самодвижущихся мин. К странам «Союза» присоединились королевства Румынии и Греции, также обязанные России своим освобождением от османского ига. Но «предают только свои». Разворачивающийся «балканский спектакль» шел явно не по нотам русского Генштаба.

Восемь из 16 машин, изготовленных этой зимой и весной, могли быть переставлены на поплавки, имели на борту фотокамеру и были скоростными разведчиками, имея в два раза большую скорость, чем германские, французские и итальянские машины. Поплавки для них были изготовлены из дюраля и были дополнительными топливными баками. Все остальные самолеты мира не имели подкачивающих электронасосов. Максимум, пилот имел массивную ручную помпу для перекачки топлива в расходный бак, располагавшийся выше двигателя. На любых маневрах летчики следили, чтобы бак был выше двигателя, иначе мотор мог заглохнуть. Увы, и у нас насос не был погружным, существовала угроза, что он прохватит воздух, но шестеренчатый насос мог прокачать и воздух, и восстановить свою работу самостоятельно. В общем, работы предстояло много. Первоначальные планы большой группы великих князей «освободить проливы и Константинополь» уже были недостижимы. Турция и Германия имели договор о военной помощи, преждевременное нападение на Турцию блокировалось англичанами. Но на зуб и они хотели их попробовать. Я же предложил Кристине провести половину лета и осень на море. Она никогда и никуда не выбиралась из Гатчины. Детство провела в Эстляндии, под Нарвой, затем ее заперли в Гатчине.

Так как обязанности «супруги» она исполняла на все сто процентов, то почему бы не поощрить человека. С ноября вокруг меня постоянно крутилась целая камарилья женщин с сомнительными целями. «Матами с Харями» Петербург был просто завален. Да и свои дамы проходу не давали. Но добиралась она поездом, и даже отдельно от наших механиков, автомобилей и прочего.

Глава 6. На южном фланге, лето 1912 года

Николай на маневрах под Лугой малость покочевряжился, не желая приобретать самолеты, но теперь мы подчинялись не Петру Николаевичу, а были подчинены официальному командующему авиации флота Александру, который имел большие виды на этот самолет, и даже освоил его. Он организовал это дело так: выкупил восемь будущих самолетов-разведчиков по двойной цене, что устроило и Николая, и меня. Тем более что на стендах уже пофыркивали более мощные, хотя и более тяжелые «Сальмсоны», которые могли теоретически иметь мощность до 1200 лошадиных сил в однорядном исполнении и 2200 в двухрядном. Восемь швейцарцев и около двадцати русских доводили их охлаждение до ума. Стоявший на стенде движок давал 580 сил на очень плохом бензине, детонационная стойкость которого была всего 44 единицы. Наши машины работают на 95-м – 98-м. А во время Второй мировой войны Гриффоны использовали 120-й бензин. Но перепрыгнуть через голову достаточно сложно, вот и доводили его для работы на любом топливе. В Аккерман мы перелетали, подвесив в бомболюк мягкий топливный танк на 680 литров. Двигатели у всех самолетов стояли немного разные, так как за это время мы сделали пять модификаций, и искали наиболее подходящий по всем параметрам. Одно плохо, все они были очень прожорливыми, как по маслу, касторовому, так и по топливу. Можно было его не тратить, а поехать поездом, но задача стояла отработать быстрое перемещение и развертывание. Радио, по вполне понятным причинам, на борту не было. Все «переговоры» – флажками. Кстати, всех нас переодели в морскую форму еще в ноябре, когда Александр получил-таки должность командующего авиацией флота. Сам он пытался изобразить «лидера» до Москвы, но далее передал эту «должность» мне. Посадку сделали одну, в Елисаветграде, и не по топливу, а из-за погоды. По курсу была гроза, поэтому через четыре с половиной часа я замахал флажками и пошел на снижение у левого берега Ингула, где базировалась 4-я воздухоплавательная рота Киевского округа. Через три часа взлетели и сели сразу в Аккермане. Нас встречал весь город и половина Одессы. А там площадка маленькая: 500 на 300 метров, да еще и поджатая с юга железной дорогой. Садиться приходилось с севера на юг. Большое количество самолетов здесь принять было сложно, тем не менее поместились. И нас сразу на извозчиках увезли в город. Лучшая гостиница и ресторан находились в 50 метрах от центрального парка, теперь это парк Победы. Угловое двухэтажное здание с большим количеством клопов.

Все хорошо, и встретили нас, и напоили-накормили, спать положили, а вот поспать и не пришлось! Где-то в половину первого ночи весь летный состав

собрался в фойе гостиницы и на улице перед ней. Ходили с фонариками, показывали вызванному управляющему полчища отборных турецких янычар-кровопивцев, а толку-то что? Как будто он этого не знал! Но гостиница была одна. Благо что сообразили и извозчиков напрягли, чтобы нас обратно на аэродром доставили. Ночевали в палатках. Позже нас переселили в казармы железнодорожной роты, а я переехал в Одессу, как только прибыл мой автомобиль. Так-то это недалеко от Одессы, но моста через Каролино-Бугаз не было, с того берега лимана ходил паром, который вручную перетягивали три человека. А если вокруг лимана, то это 160 километров в один конец по «направлениям» в степи. Дорог не было. Второй паром ходил через протоку на Бугазе. В основном ездили через него.

Впрочем, понятие «блицкриг» хоть и существовало, но здесь в этих степях его демонстрировать было некому. Поэтому мы не спеша занимались испытаниями, пили много вкусного вина, я ввел моду на барбекю и шашлыки, на которые летчики стали приглашать своих местных подружек. Лагерная длинная палатка-кают-компания тоже служила самому главному: объединяла людей в единый коллектив. Местные горшечники помогли сделать «глиняные бомбы», с цветным мелом, и интенсивность вылетов возросла, так как до этого нам боеприпасов выдавали мало, а инертные были настолько «неинтересными», потому что сам летчик не мог увидеть: попал он или не попал по цели. А облако мела было прекрасно видно. Через месяц, правда, все это порядком надоело, так как никаких событий не было, я уже начал подумывать слинять отсюда в Крым в отпуск, но приехал Александр Михайлович, и все пошло прахом. Он вернулся из турне по странам Балканского Союза, злой и жутко недовольный.

– Сергей Алексеевич, Степан Дмитриевич, «братушки» в ближайшее время нападут на Турцию. Али Рыза-паша объявил мобилизацию. Мы и наши интересы просто вычеркнуты этими… Фердинанд хочет выход к Эгейскому морю, Карагеоргиевич – всю восточную Адриатику, а наш братец Георг решил воссоздать Византию. Интересов России в этом регионе они не видят. Как будто мы двести лет не воевали с османами. Англия и Франция обещали им военную помощь, но при условии того, что помощи от России они просить не будут.

– Ну, а чего мы тогда здесь сидим? Нам же приказали не вмешиваться, когда взрослые дядечки пирог делят, – достаточно ехидно спросил я.

Россию щелкнули по носу и указали ей место. Как бы ни пыжился сейчас Николай, да и Александр, изменить ситуацию он не в силах. Александр мне не

ответил, просто громче застучал пальцами одной руки по костяшкам другой.

– Разведчики готовы? Испытания закончили?

– Еще 14 августа, ваше императорское высочество.

– Не на параде. Какую дальность показали?

– Боевой радиус – 1200 километров.

– То есть до Тираны и Корфу дотянемся?

– Должны.

– Фотоаппараты готовы? – это вопрос уже к Ульянину.

– Готовы, двенадцать кадров могут сделать.

– Чем еще занимались?

– Отрабатывали бомбометание, в том числе и по движущейся цели.

– Необходимо пролететь вдоль будущего фронта и посмотреть, что там происходит и какие силы собраны. Лететь так: от Куприи до Хасково через Кызыл-Агач, затем над предгорьями на Батак, потом к Кюстендилу, на Приштину и до Драча. Если что, есть приглашение Виктора Эммануила посетить Италию. Вот здесь, в шести местах находятся корабли нашего флота, как Черноморского, так и Балтийского. Сколько времени вам требуется на подготовку? – Великий князь отбросил титулы и чины, превратившись в командующего.

– Двое суток, вашство.

– Готовьтесь!

Цель проведения разведки он так и не раскрыл, но на ужине, в Одессу он не уехал, а пригласил нас на свой ужин, он у него отдельный, заметил, что армии

всех Балканских государств вооружены германским и австрийским оружием. Где были глаза разведки Генштаба – не совсем понятно.

– Мы же им отправили кучу боеприпасов, амуниции и вооружений, они нас попросту ограбили! Именно этого оружия через два года хватать не будет, придется массово закупать везде и всюду магазинные винтовки, пулеметы, боеприпасы и обмундирование. А братушки будут воевать по другую сторону линии фронта.

Двадцатого пятого августа, разогнавшись по похожему на зеркало озеру лимана, четыре поплавковые машины тяжело оторвались от поверхности и медленно пошли в набор, следуя курсом 195 градусов. Небо еще не было «узаконено», воздушное пространство было общим. За это время я только дал телеграмму в Одессу, в которой, без объяснения причин, попросил Кристину вернуться в Петербург. Времени на отдых и развлечения больше не будет. Впрочем, она все узнает из газет. Набрав две тысячи метров, машины медленно пошли по маршруту экономическим ходом, держа 180 километров в час по прибору. «Трубку Венегера», вместо Пито, мы уже изготовили и применяли. Такая скорость и высота позволяли оторваться ото всех, кто попытается нам помешать. Первые снимки мы сделали над Констанцей, затем над Варной и Бургасом. Полным-полно кораблей германской постройки. Что ни говори, а немцы круто переиграли Россию, и фактически подготовили себе коридор в Баку. Даже если Болгария, по каким-то причинам, перейдет в другой лагерь, вести боевые действия против противника, вооруженного таким же оружием, гораздо удобнее, меньше возить боеприпасов. В России, пока мы загорали под Одессой, болгары успели купить четыре «Фармана», но с «гномами» и «ронами», от наших движков они открещивались, как черт от ладана, в курсе были, что произошло перед отправкой в Берлин, купили в Берлине самолет Сикорского С-6б, Вуазен, русской постройки, пять самолетов Блерио, тоже русских, остальные 6 машин купили у немцев. Они были главными покупателями в Берлине. В самой России – завербовали летчиков, 18 человек. Еще 13 уже своих направили в Германию учиться.

Чуть позже в Одессе со мной произойдет небольшой инцидент, но для этого требовалось вначале долететь и сесть. Чем мы активно и занимались. Летать строями еще было не принято, эта мода появится в авиации чуть позже. Пока строями и парами летает только наш отряд. Но вылет прошел спокойно. Нас приветствовали с земли, болгарским крестьянам было не объяснить, что русские – враги их царя. Было отчетливо видно, что болгары начали мобилизацию

гораздо раньше турок. То же самое мы обнаружили и на территории Косова и Македонии. Я чуточку углубился в Адриатику, чтобы не делать разворота точно над Драчем, и мы вошли в турецкое воздушное пространство. Там крестьяне убирали урожай, как и на другой стороне будущего фронта. В принципе, и там, и там жил один разделенный народ, турки здесь только присутствовали, да минаретов настроили, ну и отуречили часть населения, чтобы через них контролировать остальных. Военных приготовлений на этой стороне фронта было немного. Встречались небольшие отряды кавалерии, в нескольких местах окапывали пушки. Скорость на обратном пути возросла на 30 километров в час, как за счет ветерка, так и мы немного прибавили. Все равно полет был очень и очень тяжелым. В воздухе мы находились 12 часов 11 минут. Второй полет уже выполняли с посадкой в Италии, в Бари, но летало другое звено во главе с Ульяниным.

А через два дня мне надавала пощечин княгиня София Долгорукая. Она завербовалась в болгарскую армию, здесь, в Одессе, вместе со своим новеньким «Фарманом-15». В прошлом году она несколько раз приезжала на Воронью гору, вполне успешно освоила УТД-1 и посчитала себя великой летчицей. Попыталась «устроиться» к нам в Гатчину, но военное ведомство ей в этом отказало. Она рванула во Францию и там купила самолет у Фармана, а вместе с ним право обучаться в его школе. Сейчас привезла свое сокровище пароходом из Марселя в Одессу. Здесь услышала про войну, и тут же ей подвели какого-то пройдоху, с которым она подписала контракт. Теперь она решила, что одной ехать небезопасно, и решила «вербануть» меня. А вербовка сорвалась, несмотря на пущенные в ход женские хитрости и даже признание в любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Как погода в Астрахани?

2

Сильно дождит, дорогой.

3

Тип мансарды с окнами на все стороны света.

Купить: https://tellnovel.com/naytov_kombat/al-t-letchik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити